

Ана Асная

Невидимка

и ~~это~~ одна неприятность

Яна Ясная
Невидимка и (сто)
одна неприятность

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65996357

Аннотация

Что общего у девочки-невидимки, от которой отказалась даже ее семья, и всеобщего любимчика, сына первого мага страны?

Вы не поверите – призрак!

Ну и исправительное заведение. Ну и горка проблем. Ну и...

Так, стоп! Правильный ответ же был – ни-че-го!..

Содержание

Пролог	4
Глава 1	7
Глава 2	28
Глава 3	56
Глава 4	84
Глава 5	116
Глава 6	131
Конец ознакомительного фрагмента.	134

Яна Ясная

Невидимка и (сто) одна неприятность

Пролог

Три года назад

Мне хотелось кричать, но я делала свое дело молча. Ни звука не покидало пределов комнаты. Беззвучно, как в кино, ломалась мебель, рвалось белье, беззвучно кромсались на куски платья, бились вазы, статуэтки и куклы, и осколки стекла и фарфора кружились в воздухе, как лепестки цветущей вишни, замедленные гасящим звуку заклинанием.

Сила пела в груди, звенела струной. И с садистским удовольствием, изящным дирижерским жестом, я направляла ее вовне, разрушая все вокруг себя.

В абсолютной тишине дерганье дверной ручки прозвучало почти оглушительно. А когда дверь распахнулась, вспарывая эту тишину, все разом ускорило и будто взорвалось.

Раздался женский вскрик.

Я медленно обернулась. Руки дрожали, в животе неприятно тянуло. Щеку жгло.

Я провела по ней рукой и на рукаве остался длинный крас-

ный след.

– Боже, Лали! – всхлипнула мама. – Что тут стряслось?

Я не смотрела на нее. А только на того, кто стоял за ее спиной. И было очень тяжело удерживать тупо-нейтральное выражение лица и не растягивать губы в злорадной ухмылке.

– Простите... – мой голос звучал тихо-тихо. – Я... я сама не поняла, как это случилось... сила вышла из-под контроля и... я так испугалась!

– Ничего страшного, – ровно произнес мужчина, но в глазах его застыл лед. – Главное, что ты не пострадала, а вещи – это просто вещи. Приведи себя в порядок, мы сейчас едем на собеседование.

– Собеседование?..

– В наше время всем необходимо образование, не так ли, Элалия?

По ощущениям машина остановилась прямо посреди леса. И только выйдя из нее, я увидела замок. Величественное строение из потемневшего от времени камня, вросшее в скалу, укрытое со всех сторон густым лесом.

– Какая красота! – выдохнула мама, запрокидывая голову. – А какой воздух, а, Людвиг? Боже, мне кажется, что я впервые дышу за много лет. Лали, ты только посмотри!

– Вот видишь, дорогая, я уверен, нашей дочери здесь будет очень хорошо. Она еще не захочет возвращаться! Идем, нас ждет ректор.

– Идем, Лали! Уверена внутри все не менее прекрасно, чем снаружи!

– Я слышал великолепные отзывы об этом месте, дорогая.

Черные ворота, покрытые вязью слабо фосфоресцирующих рун были закрыты. Не было ни звонка, ни колокольчика, ни даже окошка, но когда мы подошли вплотную, рисунок мигнул, и медленно, сама собой, отворилась маленькая калитка, вырезанная прямо в воротах. Это случилось очень быстро, но я все равно успела прочесть скромную, почти неприметную серебряную табличку справа: “Исправительно-образовательное учреждение закрытого типа “Зеленые горы”

Глава 1

– Ставлю на блондинчика.

– Они оба блондины, вообще-то.

– Блондина – оба, блондинчик – один.

– Ну? Сколько? И затащи уже его в постель, достали твои сюсюканья.

– Дежурство.

– Тю-ю...

– На твоём месте я бы не выживалась, тебе же придется отрабатывать. Невидимка, закрепишь?

Я угукнула, уткнувшись в книгу, и не глядя стянула силой две сжатые руки, магически запечатывая дурацкий спор. Мирей и Алисон хихикнули и перегнулись через деревянные перила, почти вываливаясь на внутренний двор, где сейчас проходил урок мужской физподготовки.

Я бы напомнила им, что мы здесь вообще-то для того, чтобы сделать лабораторку по рунной магии, но не буду. Во-первых, потому что это бесполезно. Во-вторых, потому что я сама предложила именно это место и время, зная что обе девицы будут слишком заняты происходящим во дворе, и я управлюсь в два раза быстрее, не пытаясь организовать двух болтушек. А их присутствие было нужно, потому что один раз мистер Рок уже поймал меня на том, что я все сделала, не привлекая назначенную мне группу, и мне это не понра-

вилось.

Вот. Привлекаю. Чем могу, мистер Рок, не обессудьте!

Я потеряла глаза. Магические символы, даже напечатанные на обычной газетной бумаге и потому лишённые своей силы, все равно через некоторое время работы с ними начинали плыть перед глазами, подмигивать фантомным свечением и творить прочие дурные шутки с головой. Но мне нравилось. Я была, пожалуй, единственной из нашей группы, а то и из всех “Горок”, кто любил рунную магию.

Остальное у меня просто не получалось.

– Вперед, Дани! – неожиданно громко завопила Мирей, и обе подружки тут же прыснув смехом, пригнулись, прячась от негодующего взгляда тренера.

Удивительное дело, но вот девиц с галереи во время физподготовки не гоняли, а парней – еще как!

Руны совсем поплыли, продолжать стало невозможно, и я, отложив учебник, тоже подошла к перилам. На залитом майским солнцем дворе парни играли в баскетбол. Одинаковые короткие стрижки топорщились мокрыми иголками, одинаковые светлые майки с характерным мокрым пятном на спине. И прямо перед моими глазами один из них, стянул майку, вытер ей лицо и швырнул в сторону лавки, демонстрируя поблескивающий на солнце подтянутый рельеф мужского тела.

Девицы рядом испустили дружный томный вздох.

Я почесала нос и отвернулась. Лабораторка на троих сама себя не сделает!

Вместо рун перед глазами теперь как назло отпечталось совсем другое...

ТЬфу на вас, дурынды!

Группы во дворе сменились дважды, прежде чем я отпустила девиц на свободу, и двор совсем опустел прежде, чем я отпустила себя. Оказалось, очень удобное место для занятий – и приятное разнообразие среди приевшихся обычных помещений для учебы, и никто не беспокоит. Кроме выющего бдительным коршуном мистера Рока. Он заглянул на галерею, когда Мирей с Алисон ушли, и я с самым невинным видом продемонстрировала ему тетрадь по риторике.

А потом начало темнеть и на галерее света не было, да и вот-вот пробьет семь – время ужина, а еще надо забросить сумку в комнату. ...

С этими мыслями я шагала по коридору, когда из спортивных душевых, мимо которых я проходила, раздался пронзительный женский крик.

Я вздрогнула, застыла сусликом.

Что делать? Куда бежать? Кого звать?..

А потом крик прозвучал еще раз, сменив тональность, и вовсе перешел на тихие постанывания. Перемешанные с приглушенными шлепками.

Я закатила глаза – не могли что ли вести себя потише и не доводить до инфаркта мимо проходящих? – но не успела сделать шаг, чтобы убраться отсюда подальше, потому что над ухом прозвучало свистящее:

– Подслушиваем?

Второго потрясения нервная система не выдержала. Сила разошлась веером, врезаясь в зачарованные стены, распахи-
вая привычные к таким взбрыкам окна, гулко ударяя по двер-
ям, отшвыривая на несколько шагов того идиота, который
меня напугал.

Я резко обернулась, разом разозлившись и на себя, и на
шутника. Парень, впечатанный в дверь душевой, поднял ру-
ку и с усмешкой отбил костяшками веселый ритм по дере-
вянной створке.

– Все норм, ребята, не отвлекайтесь.

– Идите на хрен! – рявкнули оттуда. Голос был смутно
знаком, но точно я его не определила. – Слышите же, что
занято, на фига ломиться? Мест что ли мало?

– Не нервничай, – ухмыльнулся парень. – А то еще уро-
нишь... даму, – из-за двери раздался бессильный рык. – И ты
не нервничай, – светло-серые глаза с темной окаемкой смот-
рели прямо на меня.

– Иди на хрен, – с чувством присоединилась я к пожела-
нию из-за двери и повернулась к шутнику спиной, возвра-
щаясь на прежний курс.

– Все такие ранимые, – хмыкнуло прямо за моей спиной.
Я бросила косой взгляд в сторону и убедилась, что парень
со мной поравнялся. – Что? Извини, но мне в ту же сторону.
Мы знакомы? Я...

– Даниэль Лагранж. Я знаю.

– А ты?..

– Рунная магия, практическая магия, основы магического самоконтроля.

– Э...

– Это занятия, на которых мы пересекаемся.

– Окей, но зовут-то тебя как.

– За три недели в Горках на твоём счету пять драк обычных, три с применением магии, три провокации, два псевдосрыва и бесчисленное количество замечаний. Ничего личного, но не желаю иметь с тобой никаких дел. Кстати, тебе туда, – я притормозила, чтобы любезно махнуть в сторону мужского крыла.

– Все седые девочки такие суровые, или это твое, личное? – он вскинул руку, и неожиданно подцепил пальцем прядь моих волос.

Я на мгновение обалдела от такого бесцеремонного вторжения в личное пространство, но ответить ничего не успела.

– Мистер Лагранж, – суровый оклик заставил нас обоих повернуть головы. В нашу сторону направлялась миссис Керлиони, заместитель ректора по воспитательной работе, и ее не по-женски внушительная фигура бросала на стену длинную устрашающую тень. – Вы вообще следите за временем? Вас предупредили в назначенный час быть готовым и стоять у дверей. Машина уже ожидает. На выход.

У Даниэля дернулся угол рта, и он выпустил мои волосы. Миссис Керлиони неодобрительно поджала губы, и от острой

досады – я не виновата! Это не то, что вы подумали! – мне захотелось затопать ногами.

– Прошу прощения, миссис Керлиони. Этого больше не повторится, – голос Лагранжа звучал деревянно.

– Надеюсь. Мисс Хэмптон, вам я бы тоже советовала поторопиться, если не хотите остаться без ужина.

– Да, миссис Керлиони, – я машинально присела, затем выпрямилась и, придерживая рукой сумку, не оборачиваясь поспешила в свою комнату.

Бросить сумку на кровать, повернуться к зеркалу, придирчиво оглядеть внешний вид – темно-синяя форма, ослепительно белый воротничок. Волосы в порядке...

“Седая”!

Я накрутила на палец локон – слишком светлый и бликующий не в золото, как у всех блондинов, а в серебро. Такие же были у моего отца. Правда у него и глаза были красивого серебристого оттенка, а мне достались мамины, почти черные. Наверное, в комплекте выглядело странно, но все равно...

Седая, пф! Придурок.

Как чуяла, что стоит держаться от него подальше.

Еще раз разгладив складки на юбке, я выскочила из комнаты. В столовую!

Не то, чтобы Даниэль Лагранж своим появлением нарушил какой-то наш милый размеренный ритм. “Зеленые горы” – исправительное учреждение и размеренности здесь примерно столько же, сколько послушных деточек – около

нуля. Но некий баланс он все же пошатнул. Потому что во-первых, сын первого мага страны, во-вторых, задира, в-третьих...

Впрочем, достаточно было и того, что он просто был новеньким. И того, что Мирей при всех заявила, что симпатичнее мордашки не встречала. А все знают, что Крис сохнет по Мирей. А Крис признанный король всея Горок...

В общем причин у общественности не любить Даниэля Лагранжа было с горкой.

У меня до сегодняшнего дня особых причин его не любить не было.

Я – Невидимка.

Задняя парта, взгляд в пол. Всегда есть правильный ответ, но никогда нет поднятой руки. Чистое досье без замечаний и нарушений. Ни конфликтов, ни привязанностей. Что есть я, что нет меня.

Именно то, что мне нужно. Именно так и должно быть, когда я отсюда выйду.

– Лагранжа опять забрали.

– Логти видела машину – высший класс!

– На фига папаша сюда его приволок, если и недели без драгоценного отпрыска прожить не может? Каждые выходные к себе выписывает!

– А говорят, его просто уже отовсюду вышвырнули, несмотря на папочкины финансы, а здесь буйным только рады!

– А я слышала, что он с дурью спутался, и между психушкой и тюрягой, папаша выбрал меньшее из зол...

– А я б все равно ему дала...

– Ты бы любому дала, да что-то желающих не находится!

– А я согласен!

– Иди в пень, Адриан!

– Стерва.

– Козел.

Привычный гул голосов.

Мы сидим по десять человек за столом, и обычно кучкуемся не столько по возрасту, сколько по давности пребывания в Горках. Тут “старожилы”. Адриан – самый-самый. Он провел здесь уже больше пяти лет. Через пять месяцев ему исполнится двадцать один и его ждет либо большой-большой мир, либо исправительная колония – в зависимости от того, сможет он доказать или нет, что дар взят под контроль и он больше им никого не убьет.

Крис – четыре года, и его родители считают, что у него проблемы с головой, но не хотят сдавать кровиночку в психушку. Мы тоже считаем, что у Криса проблемы с головой. Но по другой причине – только дурак будет все еще надеяться на что-то с Мирей, когда вокруг полно других вешающихся на него девиц.

Мирей – королева красоты. Официально у нее проблемы с наркотиками, выливающиеся в нестабильный дар. Но ее мать не волновали эти “проблемы с наркотиками” (травка и алко-

голь в клубе таких же золотых девиц) до тех пор, пока доченька не попыталась залезть в штаны к ее молодому мужу.

А вот у Алисон все серьезно, и бедняжка чихнуть не может без того, чтобы не снести половину дома. Алисон ходит в специальных браслетах и не колдует без страховки учителей. А учителя крестятся и пишут друг другу прощальные записки перед индивидуальными сессиями с Алисон. И ее бы запечатали, да только такой силы некромантический дар реже алмаза, и пока ей не стукнуло двадцать один, они будут пытаться его сберечь...

Официально “Зеленые горы” для таких, как Адриан и Алисон. Талантливых детей с проблемным даром. Неофициально – для всех тех, кого можно под это определение запихнуть. Даже если проблемы с даром связаны не с самим даром, а с тем, что дети оказались ненужны, неуместны, неудобны и прочее “не”.

Отправить ребенка в элитное закрытое учебное заведение исправлять огрехи в даре – это очень удобно. Позволяет одновременно избавиться от проблемного отпрыска и не потерять лицо. Еще и сочувствия снискать.

“Все это так печально, мне так жаль Эления,” – мамина подруга трогает ее за руку, переводя на меня скорбный взгляд. – “Тебе, должно быть, невыносимо было принять такое решение. Расстаться с дочерью и так надолго...”

“Конечно”, – вздыхает мама и трогает надушенным платком угол глаза, отчего у нее выступают слезы. – “Но мы с

мужем нашли для Лали самое лучшее заведение. Я уверена, со временем все наладится, там работают превосходные специалисты!”.

Это было два года назад, когда меня спустя год пребывания в Горках впервые забрали на каникулы. Ночью ураганный ветер прошелся по саду, вырвал с корнем все насаждения, разбил окна, а упавшее дерево едва не покалечило садовника.

Больше меня на каникулы не забирали.

Хотя она звонила, каждую субботу ровно в десять утра – это было отведенное мне время. Вернее, это я звонила, а мама была дома, чтобы принять этот звонок. Поначалу я плакала и просила меня забрать, а мама плакала и просила потерпеть еще немножко. Потом я перестала звонить и отказывалась подходить, когда мне сообщали, что звонит мать. А потом я случайно узнала, что нежелание общаться с родителями расценивается как плохая социальная адаптация, и я снова стала звонить. Мама воспряла духом и, кажется, теперь считала, что мы лучшие подружки.

“Я люблю тебя, детка. И папа очень бы тобой гордился!”.

Нет, большинство из нас все же время от времени забирали домой. Но никого – каждые выходные. И было обидно осознавать, что кто-то из нас, оказывается, все же нужен своей семье.

И это – еще одна и очень веская причина не любить Даниэля Лагранжа.

– Невидимка, – Крис перехватил меня на выходе из столовой, и я была единственной девушкой во всем замке, которую за это не сожрет потом стая разъяренных гарпий. – Нужна помощь...

Мы проторчали в библиотеке все выходные, вплоть до десяти вечера воскресенья. Мистер Кливерс, библиотекарь, был настолько озадачен таким рвением, что, кажется, начал подозревать нас в чем-то страшном, потому что проходил мимо с периодичностью в десять минут, и заглядывал через плечи. Я даже честно старалась отодвинуться в такие мгновения, чтобы ему было лучше видно – всего лишь формулы, о, хранитель пыльных сокровищ!

Крис подслушал, что не пролезет в удовлетворительную успеваемость, если не сдаст зачет по магической математике, а если он не пролезет в удовлетворительную успеваемость, то не видать ему жарких каникул на островах, обещанных родителями, потому что из “Горок” его не выпустят. А магическая математика и Крис – это примерно как луна и солнце, вроде и существуют на одном небе, но бесконечно друг от друга далеки.

Математика в отличие от рун и мне давалась со скрипом, но я в отличие от Криса умела заставить себя сесть и учиться. И методом проб и ошибок, как выяснилось – и его заставить могла тоже.

Альтруизмом я не страдала. Если Крис делает это ради

островов, значит, это его билет за пределы замка. А мне нужно кое-что, что находится за его пределами. Так что...

Крис умчался окрыленный собственными успехами, а я задержалась расставить книги. И когда возвращалась одна в свою комнату замок уже был тих и пустынен. По идее после девяти воспитанникам запрещалось покидать комнаты, но для учебы делалось исключение. Хотя я все равно предпочла бы не попадаться никому на глаза. И потому, когда, подходя к главному входу, услышала стук каблуков, предпочла нырнуть в темную нишу, с глаз долой.

– Неужели мистер Лагранж все-таки осчастливил нас своим возвращением! – миссис Керлиони излучала гневное недовольство. – Не будете ли вы любезны объяснить, почему я должна просиживать свое нерабочее время в ожидании вас?

– От лица мистера Лагранжа я приношу вам извинения, мэм, – вместо Даниэля отозвался низкий мужской голос. – Возникли задержки в пути.

– В таком случае в следующий раз вам следует выехать с учетом возможных задержек. Как вы себя чувствуете, мистер Лагранж? Как прошли выходные? Без происшествий?

– Превосходно, – хриплое бурканье – это уже Даниэль.

– Прекрасно. Отправляйтесь к себе и ложитесь спать, не забываяте, что завтра утром вас ждет индивидуальная сессия с мистером Лоуренсом. А вы, мистер, задержитесь. Я не видела вас раньше, но, полагаю, мистер Лагранж поставил

вас в известность, что после каждого пребывания Даниэля вне стен нашего заведения мне необходим детальный отчет о его поведении и самочувствии...

Я подождала, пока тень Лагранжа проплывет мимо и шаги затихнут за поворотом, и только после этого вылезла из укрытия, чтобы продолжить путь.

Как оказалось, шаги за поворотом затихли не потому, что Даниэль ушел.

Он сидел на полу с запрокинутой головой, закрытыми глазами, в не очень-то удобной на вид, какой-то безвольной позе. И даже не обернулся на мое появление.

– Лагранж? – озадаченно окликнула я.

Ресницы дрогнули, приподнимаясь, светло-серебристая радужка блеснула в лунном свете, заливающим коридор. И глаза снова закрылись.

– Проваливай.

Вообще, надо признать, совет был дельный. Надо бы так и поступить. Принцип невмешательства, когда дело касается чужих проблем, в стенах этого замка не раз себя оправдывал...

Три шага, и я опустила колени на каменный пол.

Лоб холодный, влажный. На мое прикосновение Лагранж отреагировал замедленно – дернулся, пытаюсь отстраниться, но не очень-то преуспел.

– Я сказал, отвали, – пробормотал он, едва ворочая языком.

– Что с тобой? – я попыталась заглянуть в приоткрывшиеся глаза, но не преуспела.

– Притомился, лег отдохнуть. Иди куда шла, седая девочка.

Запястье безвольное. Медленный пульс едва нащупался.

– Или ты говоришь, что с тобой, или я иду в медицинский отсек.

– Пожалеешь.

Эта самая безвольная рука с неожиданной силой стиснула мое запястье, до боли.

– Сообщишь кому-то – пожалеешь, – очень четко произнес Лагранж.

И потерял сознание.

Очевидно, на эту внушительную – я вся дрожу! – угрозу ушли остатки сил.

Итак, Лали, у тебя три варианта.

Первый – последовать мудрому совету.

Прости, Лагранж, но дать тебе сдохнуть в коридоре мне не позволяют зачатки (или остатки, тут как посмотреть) человеколюбия.

Второй – вызвать помощь.

На угрозы я плевать хотела. Хотя в исполнении сына первого мага страны они может быть и не такие беспочвенные, как хотелось бы. Вот только как-то не привыкли мы в Горках бежать со всеми своими проблемами к местному персоналу.

Остается самый дурацкий.

Я вздохнула, закинула тяжелую руку себе на плечо и, помогая себе магией, вздернула бессознательное тело на ноги.
– Ну что, красавчик, к тебе или ко мне?..

Вопрос был риторическим. К нему было бы куда как правильнее, но, к сожалению, я понятия не имела, в какой из комнат мужского крыла проживает мистер Лагранж, а сам он не спешил делиться этой конфиденциальной информацией.

Девушки, которые восхищаются высокими, широкоплечими, мускулистыми парнями, я уверена, никогда не пробовали их в одиночку тащить, иначе восхищения бы поубавилось!

Ох, Лагранж, почему ты не задохлик, вроде Флинна Кармайкла, которого один раз едва не сдуло с башни сильным ветром (и это не преувеличение, а факт)?

Магические подпорки на движущейся конструкции постоянно разваливались, я вся взмокла, волосы мерзко липли ко лбу и убрать их не получалось, по спине неприятно тек пот, дыхания не хватало. Сейчас все переосмыслю и пойду в магическую науку – изобретать левитацию для живых существ.

Между вторым и третьим этажом у меня был гигантский соблазн кинуть тушу на пол (он там не сдох еще?) и передохнуть, но я сомневалась, что после этого смогу опять его на себя взвалить.

Давай, Лали, еще одна лестница, два коридора и все.

Я выдохнула и поставила ногу на ступеньку.

Лестница поплыла. На мгновение меня накрыло ощущение абсолютной невесомости, а мир окрасился почему-то в зеленовато-голубоватые тона. Я моргнула и неожиданно осознала, что уже стою наверху.

Так. Это что еще за глюки?

Я обернулась.

Лестница как лестница. Помутнение сознания от перенапряжения?

Лагранж, висящий на мне, шевельнулся, и я чуть не скапала по этой самой лестнице, едва не потеряв равновесие от неожиданности. Так, первым делом спасение малознакомых мужиков, глюки – потом!

Сгрузив парня на кровать, я испытала гигантское облегчение.

Совершенно напрасно, на самом деле, потому что – а дальше-то с этим мне что делать?

В сознание он так и не пришел, а к холодному поту, и прочим неутешительным симптомам прибавилось еще и затрудненное дыхание.

Я неуверенно посмотрела на закрытую дверь. Медотсек начал казаться единственным правильным вариантом. И ведь его даже не обязательно туда тащить! Достаточно выкинуть в коридор и домчать до медсестры, а там сказать, что так и было! Как он тут оказался? А мне откуда знать? По бабам пошел, и сердечко не выдержало! Спасите невинных дев от подобного разврата!..

Что ты делаешь, Лали? Правильно. Ты паникуешь. Отставать.

На курсах по оказанию первой помощи тебя чему учили? Соберись!

Профессор Ликвин был приходящим целителем, что не мешало ему держать в страхе всех учеников. Например, он мог лишиться воздуха на несколько мгновений за слишком шумное поведение, или организовать перелом одному из студентов для того, чтобы остальные могли попрактиковаться...

Успеваемость у него была стопроцентная.

Меня потряхивало, и это было плохо. Магические потоки, и так довольно своенравные в моих руках, дрожащим пальцам подчинялись с трудом. Но, перейдя на магическое зрение, я все же сумела сплести первичное диагностирующее заклинание.

Углубленное не понадобилось – магическая аура Лагранжа, блеклая и потухшая, сначала покрылась полупрозрачной пленкой, а затем вспыхнула слепяще алым.

Крайнее магическое истощение. С угрозой для жизни.

До отсека я могу и не добежать...

Вот только – я ничем не могу ему помочь. Не с моей магией. Не с моими срывами при любом более-менее энергоемком колдовстве.

Дура! Кем ты себя возомнила? Надо было сразу звать помощь!

Я бросилась к двери, уже даже взялась за ручку, когда взгляд напоролся на вырезанные на косяке символы – результат тренировок для зачета по рунной магии. Бесполезные и безжизненные символы.

Обернулась. Окинула взглядом комнату, лежащего на кровати парня. Сделала два шага назад и принялась его раздевать.

Свитер пришлось распороть, рубашку под ним лишить пуговиц – мне некогда было тратить на это время.

Так. Чем?

У меня есть налитанный силой карандаш для практических домашних заданий, и чернила с драгоценной пылью для контрольных работ. А еще у меня есть кое-что посерьезнее.

Игла вошла в палец, и я скривилась от боли, но тут же принялась вырисовывать нужные руны на гладкой коже.

Одного пальца не хватило, я проколола три прежде, чем закончила. Окинула беглым взглядом результат, проверяя нет ли ошибок, а потом решительно прижала ладони к разрисованной груди Лагранжа и отпустила собственную силу.

Мужское тело выгнуло дугой, как от электрического разряда. Над головой лопнула лампа, обрызгав меня мелкими осколками. Я втянула голову в плечи и воззвала к высшим силам, чтобы сюда сейчас не сбежалась половина замка.

Кажется, выставленные ограничители все же сработали. Не примчались сорванные сигналом о крупном срыве учителя, не вырвались из-под контроля потоки. Первая оглуша-

ющая волна силы схлынула, превращаясь в ровный поток, стабилизируемый рунами.

Я тщательно отслеживала собственное состояние, чтобы не переборщить, но, когда наконец оторвала от холодной кожи свои раскаленные ладони, знала – у меня получилось.

Вряд ли он сразу придет в себя. Организм, ошалевший от подобных перепадов уровня силы, должен успокоиться, переварить чужое. Но немедленная смерть Лагранжу больше не угрожает.

И все-таки ты, Лали, дура!

Я сначала стиснула клацающие от перенапряжения зубы, а потом подумала и сунула в рот все три пострадавших пальца разом и откинулась на стену, прикрыв глаза. Дура, конечно, но какая умница! Жаль мистер Рок не видел, он бы мне точно зачет поставил за год вперед!

Ну, или сначала запер бы в подвале на трое суток, а уже потом – зачет!

Слегка мутило, и кровавой металлический привкус во рту только усиливал это ощущение. Я вытащила пальцы и задумчиво почесала затылок.

Героическое спасение дальнего своего это, вне всякого сомнения, благородный поступок, но где мне теперь прикажете спать?

Узкая комнатуха, похожая на келью, а в ней – узкий шкафчик, зажатый между шкафчиком и стеной маленький письменный стол и такая же узкая кровать, на которой сей-

час развалился дылда Лагранж, и раньше утра он вряд ли очухается. Таких излишеств как ковры и дополнительные одеяла комната воспитанника Горок не предполагала!

Ладно, допустим одеяло я свое из-под Лагранжа вытащу, обойдется и без него, и без подушки, но не на каменном же полу мне ночевать?

Я задумчиво почесала нос. Еще раз провела диагностику.

Если мои расчеты верны, то ему понадобится еще как минимум девять, а то и все десять часов на восстановление. То есть проспит до восьми. Подъем в семь...

А, гори оно все синим пламенем!

Решительно выцарапав из-под негаданного постояльца одеяло, я столь же решительно вскарабкалась на Лагранжа и, не особенно церемонясь, спихнула его ближе к краю кровати, чтобы уместиться между ним и стеной. В конце-концов, если я свалюсь с кровати, то это больно, а если он – то так ему и надо.

Все равно для того, чтобы удобно уместиться вдвоем с бессознательным телом, понадобилось некоторое количество времени, возни и компромиссов с собственными понятиями о приличиях. Подушку пришлось оставить ему, но лагранжевое плечо ее вполне заменило – хоть и жестковато, но практично!

С трудом победив соблазн в принципе устроиться не столько рядом, сколько на, обвив руками и ногами со всем комфортом, я закрыла глаза и почти мгновенно провалилась

B COH.

Глава 2

Я проснулась от щекотки. Рефлекторно дернула плечом, пытаюсь прикрыть шею, когда по ней мазнуло что-то теплое, и попыталась глубже зарыться носом в подушку, нащупывая соскользнувшее одеяло.

Одеяло не нащупывалось. Зато вместо него нащупалась мужская рука, лежащая на моем бедре. Пальцы стиснули тазовые косточки, вдавливая мою попу во что-то твердое, и шею снова щекотнуло – теперь горячим воздухом и, кажется, губами.

– Хм... – задумчиво прозвучало над ухом, и я окончательно пришла в себя, пружиной подскакивая на кровати.

– Ты что?!.. это что?!.. – пискнула я, вжимаясь в стену. Еще осолопевшая и с трудом соображающая после сна. Нет, я не забыла, что у меня в кровати вчера оказался придурок Лагранж, но он должен был – просто обязан! – быть бессознательным.

– Это утро, детка, – хрипло отозвался парень, с сонным прищуром глядя на меня снизу вверх. – До подъема еще почти час, так что у меня еще есть время хорошенько отблагодарить тебя за помощь.

– Иди в задницу, Лагранж, натурой не беру, – огрызнулась я и нервно сглотнула.

– Сначала “иди в задницу”, а потом “натурой не беру”. Ты

очень противоречивая, седая девочка.

Он сел и с хрустом потянулся, демонстрируя мне позолоченную утренним солнцем светлую копну волос, грудь расписанную моей кровью, которая за ночь местами стерлась, местами высохла и превратилась в бурые потрескавшиеся полосы, и впалый живот с хорошо очерченной мускулатурой.

Очень тяжелой мускулатурой! Со вчерашнего вечера лично я теперь люблю задохликов, надо об этом помнить!

– Раз очнулся, проваливай, – хмуро потребовала я, проигнорировав подначку.

Лагранж провел рукой по груди, растер между пальцев застывшую кровь.

– Изобретательно.

Очень хотелось фыркнуть что-то вроде “до твоего мнения мне дела нет”, но я – невидимка, я не втягиваюсь в противостояния. Вместо этого я как можно равнодушно бросила:

– Знаю. На ногах стоять можешь? Тогда уходи.

– Зачем? – Лагранж откинулся обратно на подушку, с комфортом закинув руки за голову. – Хорошо лежим! И вообще пока ты не проснулась, тебе вполне нравилось.

Я уперлась спиной в стену и ногами спихнула с кровати наглое тело.

Тело такой подлянки от меня все же не ожидало, поэтому не удержало равновесия и свалилось. Лагранж перевернулся в процессе, упал на колени и быстро выпрямился, но серые глаза опасно сверкнули. Мои пальцы машинально сжались

в кулак, активируя еле заметные шрамы рун на внутренней стороне ладони. Невидимка-невидимкой, а совсем без конфликтов в Горках нельзя, и тут или ты, или тебя. И если тебя, то в покое уже не оставят, а если ты – то шанс есть.

Даниэль не мог этого увидеть, разве что по напряженной позе уловил, что я готова дать отпор, но попытки вернуться на постель или отомстить за удар, не сделал. Вместо этого, направился к шкафу и беспардонно его распахнул. Протест и жажда за шкурку вытащить нахала из моего личного имущества, зачали мгновенно, стоило Лагранжу вынырнуть из недр шкафа с тазиком, кувшином и полотенцем. Многие из старожилов предпочитали хранить принадлежности для умывания у себя, чтобы не бегать каждый раз в общую ванную.

– Так и знал, что ты запасливая.

Он сгрузил все на стол и стянул с себя порванный свитер вместе с оставшейся без пуговиц рубашкой. Небрежно швырнул на постель рядом со мной.

– Когда ты уже свалишь?

В горле пересохло и вопрос прозвучал как-то неприлично хрипловато. Я торопливо сглотнула и облизала губы, непроизвольно пялясь на широкую мужскую спину. Игра света и тени: блики солнца на гладкой коже и очерченный тенями рельеф – лопатки, позвоночник, перекатывающиеся под кожей при движении мышцы...

– Прости, бука, но я не собираюсь шарахаться по замку в

таком виде. Рваную одежду объяснить можно, кровавые рунные разводы, согласишься, уже несколько сложнее.

Он щедро плеснул воды в небольшой тазик и принялся смывать с себя мои художества.

Я продолжала как зачарованная наблюдать за полуголым парнем, плещущемся в моей комнате, как у себя дома. Восхитительная наглость все же!

Он плеснул себе в лицо, провел пятерней по волосам, и те потемнели от влаги. Растер шею – и несколько капель напегонки покатались по выемке позвоночника.

Мирей, наверное, дорого бы отдала, чтобы оказаться сейчас на моем месте...

Я сделала над собой усилие и отвернулась, уставившись в окно.

В замке не так уж много развлечений, и секс – одно из них. По крайней мере, так утверждали все старшие. Мне, признаться, было любопытно, что же это за штука такая – секс, но не настолько любопытно, чтобы связываться с кем-то из воспитанников. Видела я что женскую грызню за парней, что мужскую за девчонок. Ну на фиг... уж как-нибудь дотерплю с экспериментами до свободы!

– Ты всегда такая бука или только по понедельникам?

Я неохотно оторвалась от пейзажа. Лагранж повернулся ко мне лицом и теперь вытирался моим полотенцем, позволяя оценить, что перед у него ничуть не хуже зада.

– Ты всегда такое трепло или только после прогулки на

тот свет?

– Что, даже не спросишь, что это было?

– А есть смысл?

Не знаю, за какую идиотку он меня держит, но если, выбирая между сдохнуть в коридоре и попросить миссис Керлиони о помощи, он выбрал первый вариант, то какой толк сотрясать воздух и требовать с него объяснений?

Я смотрела ему в глаза. Он смотрел в мои. На губах у него застыла усмешка, но глаза не смеялись. Взгляд был тяжелым и каким-то... усталым.

– Как тебя зовут?

Мое полотенце легло на стол, и я поднялась с кровати. Сейчас он уйдет, и нужно успеть выставить ему счет.

– Все называют меня Невидимка. Меня устраивает.

– Не-е-ет, седая девочка, – насмешливо протянул Лагранж. – Как тебя зовут?

Я пожала плечами, откровенно не понимая, для чего ему эта бестолковая информация, но ответила:

– Элалия.

В конце концов, если он наконец-то перестанет называть меня “седой девочкой”, меня это вполне устроит!

Лагранж кивнул сам себе и двинулся к двери.

– Стой, – я перегородила ему дорогу. – Ты мне должен.

Даниэль вздернул бровь.

– Разве?

– Я спасла тебе жизнь, – угрюмо озвучила я очевидный

факт.

– А я тебя об этом просил? Это была исключительно твоя собственная инициатива, седая девочка.

Я поморщилась.

– Значит, теперь по своей собственной инициативе я могу пойти и все рассказать ректору?

Это случилось так стремительно, что я даже не успела ничего понять. Тело онемело, ноги подкосились, и единственное, что меня на них удержало – это сжимающие горло пальцы.

– Только попробуй.

Смешливую маску смыло без следа. Возле носа проявились жесткие складки. На лбу выступил пот.

Зря он так. Не удержит. Ни меня, ни заклинание. Может, я и ошиблась в расчетах, взяв усредненные показатели магической силы (а к усредненностям Лагранж, как выяснилось, совершенно не относился), но все равно не удержит – слишком слаб еще.

– Угрозы? Серьезно? – ковыряться в мужском самолюбии я не стала, и на всякий случай даже потрясла напряженной кистью, готовой снова сжаться в кулак, чтобы не дай бог не сработали рефлексy вперед мозга. – Мне плевать на твои секреты, Лагранж, мне просто нужно несколько книг.

– Книг? – озадаченно переспросил парень. Заклинание развеялось, хотя пальцы так и продолжали лежать на моем горле, а вся эта полуголая дурная туша – возвышаться надо

мною, придавливая к двери.

– Да, книг. Таких нет в нашей библиотеке. Ты выезжаешь в город, у тебя есть возможность привезти.

– Запрещенной литературой балуемся? – Даниэль окончательно расслабился, ухмылочка вернулась на лицо, а пальцы, сжимающие мою шею, вдруг скользнули по ней вверх и коснулись мочки уха.

По позвоночнику неожиданно пробежала странная дрожь.

Я подняла руку и скинула нахальную ладонь. На ком-нибудь другом свои отвлекающие маневры практиковать будешь.

– Мне нужны книги по юриспруденции. Гражданское, семейное, можно еще финансовое право. Смитт, Лаверс и Дорбенштайн у меня уже есть. Что-то другое. Хорошо, если найдешь практические разборы процессов в этих сферах.

Лагранж прищурился, пристально меня разглядывая.

– Ты та еще шкатулка с приветом, я посмотрю.

– С секретом? – машинально поправила я.

– Нет, я не оговорился, – хмыкнул Лагранж, наконец, отстраняясь, и я против воли выдохнула. – Я попробую. А теперь дай пройти, противоречивая девочка “проваливай-но-я-тебя-не-выпущу”.

Я сама открыла дверь, высунулась, чтобы убедиться, что коридор все еще пуст, и только тогда выпустила Лагранжа, а потом торопливо закрыла дверь и прислонилась к ней спи-

ной.

Таз с порозовевшей водой и мокрое полотенце на столе. Рваный свитер и рубашка с оторванными пуговицами на кровати. Ощущение чужих пальцев на горле.

“Даже спасибо не сказал, придурок!” – мелькнула досадливая мысль, и я, махнув на все рукой, забралась обратно в кровать и свернулась клубочком под одеялом – досыпать.

Даниэль

Стоило двери девчачьей комнаты закрыться за моей спиной, я позволил себе чуть отпустить самоконтроль, и побрел в свое крыло откровенно пошатываясь, придерживая рукой стену.

Тошнило. Если бы я вчера нажрался, то сейчас бы проплевался, и сразу бы полегчало. Но увы. Рвать желчью, выворачивая наизнанку желудок, не было никакого желания.

Кости ломило, мир перед глазами ощутимо покачивался. Сила внутри тоже бушевала и плескалась, с ревом пожирая предложенное седой девочкой угощение. И пока два потока не перемешаются, не сольются в один и не успокоятся, мне будет хреново. Глупо на самом деле было угрожать ей магией, хватило бы и просто припереть к стенке.

Дерьмо.

А нужно как-то привести себя в порядок за оставшиеся два часа до начала занятий.

Лучше бы она оставила меня сдохнуть в коридоре. По крайней мере, все бы уже закончилось.

“Весь пошел в свою бестолковую мамашу”, – прозвучал эхом в голове голос отца в ответ на эти мысли. – “Но ты – мой сын, и вырастешь достойным наследником”.

Ха, знал бы папаша, что я вчера чуть не оставил его без “достойного наследника” впал бы в бешенство.

Сам виноват, надо лучше следить за деточкой.

Яростное бешенство во мне уже отгорело, но и тупое равнодушие, к счастью, еще не прижилось, только и оставалось что бессильно плевать ядом. И думать.

За три недели в Горках я понял пока только одно – сбежать отсюда будет проблематично. Но за десять месяцев, что остаются до моего полного совершеннолетия, я наверняка что-нибудь придумаю. Воспитатели Горок однозначно не настолько бдительные и параноидальны, как мой папаша с его гиперопекой.

Шаг. Еще шаг.

Ладонь тяжело опирается на грубые камни стен.

Мысли начинают путаться, но я упрямо встряхиваю головой и продолжаю идти. Если уж я вчера смог скрыть свое состояние и от отца, и от его цепных собачек, то сейчас, накачанный под завязку чужой силой, и подавно сумею.

Только дойти до комнаты.

Элалия.

Забавное имя. Игрушечное какое-то.

Хмурая, серьезная, седая девочка.

Невидимка. Я и правда за три недели ни разу не заметил ее до той встречи в коридоре, когда она шла передо мной, и длинные светлые волосы, спускающиеся до самой попы, красиво поблескивали серебром.

По крайней мере, понятно, зачем она меня вытащила. Здесь никто ничего не делает просто так, по доброте душевной. Душевной доброты у нас у всех здесь острый дефицит – на себя не хватает, не то что на других.

Юриспруденция.

Гражданское, семейное, финансовое...

Проблемы с родственниками, а не с силой?

Это хорошо. Значит, она точно не пойдет к учителям и воспитателям. Они ей не помощники, а тюремщики...

Перед глазами потемнело слишком сильно.

Я зажмурился, потом открыл глаза, обвел вокруг мутным взглядом, пытаясь сообразить где я, и сколько еще идти.

А в следующее мгновение, стена, на которую я опирался, внезапно стала мягкой, прогнулась под моим весом, затягивая меня в камень, и я упал, ударился обо что-то головой, и потерял сознание.

Элалия

На основах магического самоконтроля, которые шли первыми в понедельник (“залог успешной недели!” как любил

говаривать профессор) Лагранж не появился. Я периодически косилась на то место, где он обычно сидел – в противоположном от меня углу – и одергивала сама себя.

А что если ему стало плохо и он не дошел до комнаты? А что если дошел, но там ему стало плохо? А что если он напоролся на дежурного и сейчас проходит разбирательство в кабинете ректора? А что если он меня сдаст?

А что, если я перестану страдать ерундой и сосредоточусь на уроке?..

Он просто прогуливает, Лали. И мозги полоскать за это будут ему, а не тебе. Даже не думай отправляться его разыскивать. Это не твое дело. Даже если ему плохо – это не твое дело.

Абсолютно и совершенно не твое.

– Мисс Хэмптон, – длинный сухой профессорский палец постучал по моей парте, и я вскинула глаза, выныривая из противной каши мыслей. – Соберитесь, если не хотите заработать дополнительные часы.

Я бросила нервный взгляд по сторонам. Все вокруг, кроме Алисон с ее браслетами, сидели, погружившись в магический транс – в воздухе слабо потрескивало электричеством, волосы шевелились на головах, кое-кого от старания даже приподняло над сиденьем – больно плюхнется, когда придет время выходить.

Я закрыла глаза.

Вдох-выдох. Взгляд внутрь.

Вдох – и воздух потоком устремляется внутрь, расширяя легкие. Здесь, все звучит совсем иначе, чем снаружи, и стук сердца становится оглушительным. Оно пульсирует, гоня кровь по артериям и венам. Выдох – легкие сжимаются, напрягается диафрагма.

Контроль над телом, контроль над разумом, контроль над магией.

В таком порядке.

Только сегодня из-за проклятого отсутствующего Лагранжа у меня не было ни того, ни другого, ни третьего!

Я открыла глаза и виновато посмотрела на мистера Кроуча.

– Ничего страшного, мисс Хэмптон. Попробуйте еще раз. Не торопитесь. Настройтесь. Закройте глаза, слушайте мой голос...

Все шло не так. Вместо того, чтобы как обычно успокаивать, голос профессора вызывал только глухое раздражение. Оно поднималось из глубины, как волна. Неукротимая водная мощь, которая, царапаясь о приближающийся берег, становится все больше и больше...

Я сжала кулаки так, что ногти впились в ладони.

Нет! Я не позволю!

Дыхание. Сердцебиение. Контроль над телом...

– Элалия. Элалия слушай меня. Возвращайся. Открой глаза.

Мистер Кроуч зовет меня по имени, и это означает, что

все плохо. И понимание этого только все усугубляет. Как сквозь толщу воды я слышу приказ всем покинуть аудиторию. Стучат стулья, гремят шаги, но это все где-то там, далеко, а прямо передо мной пенящаяся водная стена, которая вот-вот рухнет мне на голову.

Она прекрасна в своей неукротимой мощи и вместо того, чтобы сделать последнюю попытку ее остановить, я просто запрокидываю голову и распахиваю руки. И мне плевать, что меня снесет и расплющит. Да и разве я в самом деле могу что-то сделать?..

Миг – и меня накрывает с головой. Кружит, несет...

Я передумала. Я захлебываюсь, я задыхаюсь. И в этом нет никакой красоты. Я не хочу!

Железные пальцы хватают меня за шкурку и выдергивают из водоворота.

Я с хрипом вдохнула и зашлась надсадным кашлем.

– Ну-ну, все, девочка. Уже все. Ты вернулась. Все хорошо.

Меня трясет. Я вся мокрая с головы до ног. Профессор тоже. Класс тоже по колено в воде, и по ней плывут стулья, тетради...

– Идем.

Мистер Кроуч придерживает меня за плечи, и его трясет.

А нет, это меня трясет да так сильно, что не помогает даже стальная хватка привычного ко всему профессора.

Он открыл дверь, и вода потоком хлынула в коридор, заставляя отпрыгнуть столпившихся полукругом воспитанни-

ков.

– Наведите там порядок. Я вернусь через десять минут. Идемте, мисс Хэмптон.

Я сидела в приемной ректора, завернувшись в плед. Все еще знатно потряхивало, хотя одежду на мне быстро высушили, и теперь она, непривычно жесткая, раздражала кожу. Глаза щипало, но я терла нос и кусала губы – не буду реветь, не буду!

Не здесь, по крайней мере.

Не под бдительным взглядом секретаря мисс Лайм. Не когда за дубовой дверью ректор Торнвел звонит моей матери, чтобы сообщить, что у ее дочери случился очередной срыв, третий за два месяца. И что они обеспокоены динамикой. И что в “Зеленых Горах”, тем не менее, делают все возможное. Потому что мисс Хэмптон прилежная и примерная ученица. Возможно, ей просто нужно усилить индивидуальную программу. Да, к сожалению, индивидуальная программа стоит денег...

А вдовствующая миссис Хэмптон, ныне же миссис Стивенс будет охать и ахать и заламывать руки и дрожать голосом. И скажет, что она, конечно же, желает для дочери всего самого лучшего, но ей необходимо обсудить этот вопрос с супругом. А супруг, конечно же, поддержит свою жену и скажет, что деньги будут переведены на счет исправительного заведения в ближайшую неделю.

Мои деньги, конечно же.

Мистер Стивенс не дурак тратить собственные капиталы на содержание чужого ребенка.

Мне было плохо.

И телом, и разумом, и магией.

– Вы куда, мисс Хэмптон? – бдительно окликнула меня секретарь, стоило подняться.

– В туалет, – легко соврала я.

– Поторопитесь, пожалуйста, – мисс Лайм строго посмотрела на меня поверх очков. – Ректор вот-вот закончит и пригласит вас.

Я только кивнула и вышла.

Одну кляксу в виде побега от ректора мое безупречное досье как-нибудь переживет. Но прямо сейчас мне нужно, чтобы меня никто не трогал.

В этом замке не спрятаться – по крайней мере, надолго. Но, тем не менее, есть места где можно вырвать себе несколько сладких мгновений передышки.

Я поднялась на северную башню. Несколько десятилетий назад здесь была голубятня, а теперь только ветер гулял – узкую отдельно стоящую башенку так и не придумали, как пристроить для чего-то полезного.

Забившись в нишу в стене, я обхватила колени руками, уткнулась в них лбом и разрыдалась.

За срывом магическим у меня почти всегда следовал нервный.

Опять не справилась. Собственными руками вручила отчиму еще одно доказательство того, что он запер меня здесь не напрасно. Собственными руками еще немного расшатала тщательно выстраиваемый план мести.

Беспомощность и острая обида на несправедливость мира жгли глаза, и горячие слезы текли по щекам.

Почему? За что?

С тех самых пор, как умер отец, мне кажется я не была счастлива больше ни единого мгновения, потому что в тот день я лишилась обоих родителей. Мать могла быть мне матерью, только вдохновляясь отцовским примером. Она зеркалила его, как зеркалит сейчас своего нового мужа.

Боль потери. Боль предательства...

Она ноет, как настоящая, физическая. И, всхлипывая, я продавливаю кулаком грудь, в попытке ее унять.

За что?..

– Мисс Хэмптон?.. Элалия?

Быстро.

Я торопливо вытерла слезы ладонями, но не спешила выходить на зов. Пусть сами найдут, а у меня будет еще несколько лишних мгновений, чтобы выровнять дыхание.

В голубятню поднялся мистер Кроуч. Я поднялась, готова покаянную речь, но взгляд профессора мазнул по мне, будто я была невидимкой. Он раздосадованно цокнул языком, вздохнул и повернулся ко мне спиной.

– Мистер Кроуч? – удивленно окликнула я.

Наставник даже не дрогнул и принялся спускаться вниз по лестнице.

Окончательно перестав что-либо понимать, я шагнула вперед и будто уткнулась в невидимую эластичную преграду.

Что за?..

Я надавила рукой на воздух, и тот, слегка прогнувшись, спружинил обратно. Ударила кулаком – безрезультатно. Навалилась всем телом, пытаясь продавить непокорное пространство – и отдачей меня отшвырнуло обратно в нишу, больно ударив лопатками о камни.

После срыва резерв еще не успел толком наполниться и магии в теле были жалкие крохи. Соскребя по углам все, что можно, я вышвырнула это перед собой...

Ничего.

Сила ушла в пустоту, будто ее впитала невидимая губка.

Идиотских розыгрышей мне уже давненько никто не устраивал. Узнаю кто...

Ничего ему не сделаю. Просто запомню и буду внимательнее. Но кто?

Подтянув ноги к груди я откинулась затылком на стену и попыталась перебрать в памяти, кому я могла досадить. Вышло, что ну совершенно никому.

Я потерла шею, вспоминая ощущение сжавшихся на ней пальцев.

Лагранж?

Это он меня так запугать пытается, чтобы молчала?

Дурацкая идея. И способ дурацкий.

– Лагранж, – крикнула я в потолок. – Прекращай идиотизм, я не собираюсь никому ничего рассказывать.

Тишина. Я встала, подошла. Невидимая преграда была на месте.

– Хватит уже, – попросила я, чуть тише. Жалостливая покорность на задир действует обычно неплохо, если не перегнуть и не скатиться в тряпку, о которую ноги можно вытирать.

Тишина.

Активировав руны, я размахнулась и ударила вперед изо всех сил.

На этот раз отдача была такой, что меня швырнуло в стену, выбив воздух из легких, и даже на мгновение потемнело в глазах.

– Пожалуйста, хватит.

Горло сдавило спазмом, в животе неприятно заворочался страх.

Что-то во всем происходящем было неправильное. Непохожее на обычные разборки между воспитанниками.

Паника нарастала.

Я орала, билась, швырялась силой в преграду.

Тщетно.

Меня снова трясло, только внутри уже не осталось ни магии, ни слез для того, чтобы устроить полноценную истерику.

Набрав в грудь побольше воздуха, я в последний раз разбежалась и, зажмурившись, рванула вперед, готовясь размазаться в лепешку или пробить ловушку...

Удара не случилось, случилось падение. На мгновение ослепнув, я завизжала сорванным голосом и рухнула на пол.

Пол подо мной завозился и произнес:

– Охренеть, бука, ты с какого перепугу на людей с потолка кидаешься?!

Я распахнула глаза. И оказалась нос к носу с Лагражем.

Лагранж.

Лагранж?!

Не соображая толком, что делаю, я рывком выпрямилась на его животе, от чего парень сдавленно охнул, и ударила его кулаком в грудь. И еще. И еще. Это он! Это все-таки он устроил! Он! Больше никому!

– Эй!

Четвертый удар был перехвачен, пятый тоже.

Я бессильно дернулась в железных тисках, сдавивших запястья, и попыталась укусить.

– Стой, психованная! Вырублю ведь ненароком!

Почему эти слова меня остановили, я не знала, но я застыла, тяжело дыша, попавшись на крючок прозрачно серого взгляда, а потом медленно произнесла:

– Не смей больше так делать, понял?

– Да что делать?! – искренне изумился парень. – Искать тебя не надо было? Ну извини, тебя ищет весь замок, могла

бы броситься на кого-нибудь другого, я вообще не при делах, нас всех заставили.

Что-то было в его голосе. Полное отсутствие фальши.

Я покосилась по сторонам. Мы были в коридоре, неподалеку от внутреннего двора. В том самом коридоре, где мы уже сталкивались в пятницу вечером.

Как такое вообще возможно?..

– Пусти. – Я дернула на себя запястья.

– Слезть с меня не хочешь? Нет, вообще неплохо устроилась, но все же не посреди коридора ведь, давай хотя бы до душевых дойдем, тут рядом.

С наслаждением ткнув его освободившимся кулаком еще раз, точнехонько между ребер, я подскочила. Лагранж сел, не торопясь вставать на ноги, и пристально посмотрел на меня снизу вверх.

– Как ты это сделала?

– Что? – буркнула я, одергивая платье. Мысли путались, слишком много потрясений за короткий срок.

– Как ты спряталась, что тебя никто не мог найти? И как свалилась с потолка?

– Не твое дело, понял? – огрызнулась я. – Иди, куда шел.

Лагранж ухмыльнулся.

– Так я тебя шел искать, забыла? – Он наконец поднялся. – Идем, я отведу тебя к Кроучу. Весь замок на ушах стоит из-за одной маленькой седой девочки.

Он приблизился и взял меня за руку, которую я тут же

выдернула.

– Не надо меня никуда отводить, я в состоянии везде дойти сама.

– Ой ли?

Даниэль приподнял брови, и я только сейчас заметила что на виске у него красуется ссадина-кровоподтек, которой однозначно не было еще сегодня утром, когда я видела его в последний раз. Опять подрался с кем-то? Поэтому пропустил первое занятие?.. Ой, да какое мне до этого дело?

Боже, ну почему так выходит, что я раз за разом сталкиваюсь с этим типом?

Я хотела обойти его, считая разговор оконченным, но Лагранж вскинул руку, перегораживая мне проход.

– Почему ты разозлилась на меня?

Очень легкий вопрос!

– Потому что ты меня бесишь! Дай уже пройти, и меня полностью устроит, если ты и дальше не будешь меня замечать, как не замечал три недели до этого. Будет очень любезно с твоей стороны.

– Нет, бука, – он мотнул головой, полностью проигнорировав всю вторую половину моего ответа. – Ты разозлилась на меня, потому что думала, что я это сделал. Сделал что? Где ты была эти шесть часов? Тебя кто-то где-то запер? Как ты выбралась?

Шесть часов?.. Ничего себе номер. И как я объясню это воспитателям?..

– Я уже сказала. Тебя это не касается, Лагранж. Ты меня искал? Нашел. Свободен. Занимайся своими делами. И не смей за мной идти, а то я могу и передумать насчет рассказа о сегодняшней ночи. И посмотрим, кому из нас будет хуже, если я расскажу. Ты не один здесь угрозами бросаться умеешь.

С этими словами, я поднырнула под его руку и зашагала по коридору в сторону ректорского кабинета.

Пристальный взгляд сверлил лопатки, но удерживать и догонять меня парень не стал.

Даниэль

Я стоял и смотрел на удаляющуюся спину – нарочито расправленные плечи и деревянная походка. И кончик светлой косы, покачивающийся чуть ниже талии. Сначала эта девица свалилась мне на голову из ниоткуда, потом попыталась избить ни за что, а теперь потребовала, чтобы это *Я* оставил ее в покое. Восхитительно!

Странности множились.

Утром, провалившись в стену и потеряв сознание от удара, я пришел в себя в собственной комнате. А то, обо что я ударился, было просто-напросто моей кроватью. И тогда я всерьез засомневался в собственном рассудке – а была ли стена-губка, а было ли падение? Может быть, я сам не заметил, как дошел до комнаты, а потом промазал, пытаюсь

улечься. С учетом моего состояния это было бы совершенно не удивительно.

И сомневался я до того самого момента, как на меня свалилась с потолка Элалия Хэмптон.

Девчонку шесть часов искали наставники, а последние три часа к делу подключили и старших воспитанников. Замок перерыли от подвалов до крыш башен, но она как сквозь землю провалилась. Если учесть, что “Зеленые Горы” – заведение, которое по степени надежности может соперничать с лучшими тюрьмами мира, пропажа с его территории воспитанника – это знатный форс-мажор.

Я, признаться, больше прогуливался, чем искал. Хоть мне и было любопытно, как у белобрысой получилось так хорошо обвести всех вокруг пальца...

А теперь в мою голову закралась мысль о том, что кое-кто тоже познакомился с утягивающими в неизвестность стенами, имеющими привычку выплевывать людей из себя в самых неожиданных местах.

Любопытство подзуживало хорошенько девчонку расспросить, но ту откровенно трясло и колбасило, и я отступил. Пусть. Потом. Никуда мы отсюда не денемся.

Зато ее явление удачно напомнило кое о чем.

Я выждал некоторое время, усевшись на подоконник и прикрыв глаза. Достаточное, как мне показалось, для того, чтобы седая девочка дошла до кабинета ректора, получила на свою голову нагоняй и была отправлена к себе. А потом

направился по ее стопам, в приемную. Мне нужен был телефон.

На самом деле “мое” время еще не наступило, для разговоров с родителем мне полагалось являться в девять пятнадцать по средам, о чем секретарь не преминула мне напомнить со строгой миной, но из уважения к Эрику Лагранжу...

Всего один долгий гудок и конфетный голос на том конце провода:

– Приемная мистера Лагранжа, я вас слушаю.

– Мне нужно поговорить с отцом.

– Добрый день, мистер Лагранж. Я сейчас вас переключу. Хриплое шелканье в трубке. Один, два, три...

– У меня для тебя есть тридцать секунд. Что?

– Мне нужны книги по юриспруденции. Гражданское, семейное и финансовое право. Любые, кроме Смитта, Лаверса и какого-то там “штайна”. Еще практические разборы громких дел в этих сферах.

В трубке на мгновение повисла тишина.

– Специфическая литература, – наконец произнес отец. – Позволь узнать, зачем?

– Да вот, хочу в суд на тебя подать...

– Наконец-то мозги заработали, – холодно резюмировал папаша и положил трубку.

Слушая короткие гудки, я задумчиво договорил то, что намеревался:

– Шутка. Девушке подарю...

Ладно, нет так нет. Разберусь.

– А Элалия нашлась? – на всякий случай уточнил я у мисс Лайм, а то вдруг эту бедовую опять куда-то засосало?

– Нашлась, – успокоила меня секретарь. – Все воспитанники давно уже вернулись к занятиям. Идите.

Ближе к вечеру организм уже почти пришел в норму. И не скажешь, что вчера я чуть не сдох. Сила у белобрысой буки оказалась на диво легкоусвояемой, странно, что она собственную хозяйку слушать отказывается.

Так что в столовую на ужин я спустился в приподнятом настроении.

– Дани! – при моем появлении рыженькая веснушчатая Кэри подскочила и замахала рукой. – Садись с нами.

Я мысленно пожал плечами. Мое место в местной иерархии, а значит, и в столовой еще не было до конца утверждено, так что питался я перекаати полем то тут, то там. С вами так с вами – с ними так с ними. Но стоило мне отодвинуть стул, как на него бухнулась нога в тяжелом ботинке. И сидящий рядом долговязый Зак Фишер процедил сквозь зубы:

– Занято.

– Ногу убрал, – вполне миролюбиво предложил я.

Фишер, спокойно глядя мне в глаза, убрал. Предварительно хорошенько обмазав о сиденье грязную подошву.

С таким же спокойным взглядом я положил руку на спинку его стула. И дернул.

Фишер шарахнулся на пол тощей задницей, но среагиро-

вал мгновенно. Я едва успел выставить отражающий щит, и огненная волна прошла по касательной в потолок, оставив на нем огромное черное пятно. Ударить ответно я не успел. Взыла сирена, свет притух, раскрылись припрятанные рядом с лампами ампулы, и всех нас накрыло поблескивающее белесое облако магиегасящего порошка. Мой щит лопнул, на ком-то треснула одежда – все что держалось на магии резко пришло в негодность.

Ах да... никакой магии в столовой. Кажется, было какое-то такое дурацкое правило.

Воспитанники с негодующими воплями подскочили с мест, стряхивая с себя белесую гадость, но та ровным слоем покрыла волосы, плечи, столы с тарелками...

– Сидеть! – раскатистый рявк директора сработал не хуже оцепеняющего заклинания, все поплюхались на места.

Я тоже сел – приказ есть приказ! – на фишеровский стул. Зак же подскочил с пола, с негодованием сжимая кулаки.

– Фишер, Лагранж, в мой кабинет. Остальные – на выход. Ужин отменяется. Можете сказать спасибо этим двоим.

Столовую наполнил разочарованный гул.

Я бегло оглядел всколыхнувшуюся толпу, выловив несколько ненавидящих взглядов, несколько восхищенных. Белобрысая макушка нашлась в углу. Седая девочка сидела, уронив ладонь на лоб и всем своим видом излучала: “О боже, меня окружают идиоты”.

Ухмыльнувшись, я воспользовался общей толкучкой на

выходе, чтобы как следует пихнуть Фишера под ребра, ибо нехрен... Идиота кусок, завязывать драку в столовой.

– Я не собираюсь разбираться, кто прав, а кто виноват, – сходу объявил ректор, едва мы переступили порог кабинета. – Завтра перед занятиями подойдете оба к миссис Керлиони и сообщите ей, что у вас у каждого по двадцать часов исправительных работ.

Я едва слышно хмыкнул. Такими темпами я свои исправительные работы не то что до двадцати одного, и до тридцати отработать не успею!

Проницательный взгляд ректора уперся в меня.

– Я так понимаю, вам весело, мистер Лагранж, поэтому предупреждаю, за следующий инцидент с вашим участием вы отправитесь в подвал.

Наверное, он ждал от меня возмущений, оправданий или еще чего-то подобного, но я только пожал плечами. Ректорский взгляд, посверлив меня еще немного, перевелся на Фишера:

– И вы мистер Фишер за следующий инцидент с участием мистера Лагранжа тоже отправитесь в подвал, даже если вас и рядом видно не будет.

– Но!.. – бедняжка Зак не утерпел.

– Все, вы свободны. Мистер Лагранж, еще минутку.

Ректор дождался пока за Фишером закроется дверь.

– Даниэль, – должно быть переход на имя должен был ослабить и вызвать у меня расположение. – Я понимаю, что

вы уже не мальчик и дома привыкли к полной безнаказанности. И в принципе считаете, что раз вы у нас ненадолго, то закон вам не писан. Но я предупреждаю – подобного поведения в “Зеленых горах” никто терпеть не будет. Дисциплина – это основа успешного восстановления воспитанников. Не заставляйте нас применять крайние меры.

Я молча смотрел на мистера Торнвела. Забавного он обо мне мнения. Правда ошибочного: привык я отнюдь не к безнаказанности.

– Мне хотелось бы услышать от вас, что вы меня поняли.

– Я вас понял, мистер Торнвел.

– Прекрасно, можете идти. И не забудьте, миссис Керлиони, двадцать часов.

А книги от отца внезапно пришли на следующий же день.

Глава 3

Элалия

Из ректорского кабинета я вышла с чувством легкого недоумения.

Во-первых, меня выслушали и пообещали разобраться. Во-вторых, даже не прописали наказания, вместо этого освободили от оставшегося огрызка занятий и отправили сначала к медсестре, а потом в комнату, отдохнуть.

Не то, чтобы жизнь в Горках была совсем уж каторгой, но не баловали тут воспитанников, не баловали! Тем более когда из-за оных воспитанников вся школа несколько часов на ушах стояла.

Вот только на мой вопрос – а что собственно это такое было со мной? – ответа никто не дал.

Через два дня я подошла сама к мистеру Кроучу с этим вопросом. Учитель посмотрел на меня снисходительно и тепло улыбнулся.

– Все очень просто, миссис Хэмптон. Моя ошибка – я не заметил вас, когда осматривал башню, был невнимателен, а выйдя из нее – запечатал вход, чтобы вы не зашли туда, пока мы вас ищем, чтобы не разминуться. Именно мою печать на входе вы и пытались сломать. И неудивительно, что у вас не получилось это сразу.

Я недоуменно хлопнула ресницами.

– Но...

Ерунда какая-то! Я не перепутала бы печать на входе с невидимой стеной, и вообще профессор смотрел прямо на меня и не услышал моего оклика! Как это – не заметил?..

– Мисс Хэмптон, – перебил возможные возражения мистер Кроуч. – Мы отнесли к вашему рассказу со всем вниманием и тщательно осмотрели башню. И ничего, кроме моей сорванной печати не нашли. Я не утверждаю, что вы нас обманываете. Более того, я даже верю, что вы верите в собственный рассказ. Но поймите, мы не всегда можем доверять собственным ощущениям. Вам в тот день прилично досталось, будьте к себе снисходительны. К тому же, я сегодня заметил, вы снова делаете успехи и достаточно быстро восстанавливаетесь после столь серьезного срыва. Не стоит снова подрывать собственную психику воспаленными фантазиями. Поспешите, а то опоздаете на следующее занятие. И мы увидимся с вами снова сегодня в пять для индивидуальной сессии.

Закрыв за собой дверь кабинета, я несколько секунд постояла, переваривая услышанное.

Воспаленная фантазия?..

Галлюцинации иным словом?..

Я закусила губу и задумчиво ее пожевала.

Галлюцинации могут быть одним из симптомов или последствий срыва. Не самым хорошим, это да. Но довольно

часто встречающимся. Я могла бы поверить в галлюцинации, если бы не одно “но”.

Преподавательская версия не объясняла того, как я оказалась на потолке. А свидетель тому, что именно с потолка я свалилась у меня был. Если только и он мне не померещился...

Про Лагранжа я не упоминала в рассказе. Сказала что просто вывалилась в коридор и сразу отправилась к ректору. Надо ли сказать сейчас? Или сначала уточнить у Лагранжа и потом сказать?..

“Привет, скажи, ты мне случайно не приглючился два дня назад? А то у меня тут кукушечка едет, сверяю факты...”

Можно, конечно, но самой подходить к нему не хотелось. Этот тип шагу ступить не может, чтобы не собрать горку неприятностей на свою голову, чего только недавний конфликт в столовой стоит... Пусть он мне книжки привезет и все, и хватит.

В конце концов, я не считаю себя умнее воспитателей, а они сказали, что все проверили, так с чего бы мне сомневаться в словах опытных и квалифицированных магов?

Остановившись на этом, вне всякого сомнения, разумном решении, я выдохнула, и жизнь в Горках потекла своим чередом. Я снова была Невидимкой, даже для Лагранжа, который, кажется, моей просьбе внял. По крайней мере, на общих занятиях он никак не выделял меня из класса. Хотя пару раз мне мерещился пристальный взгляд с той стороны, где

он сидел. Но, оборачиваясь, я ни разу с ним не встретила.

Я расслабилась.

А в пятницу вечером, незадолго до ужина в мою дверь постучали.

– Привет, бука, – Лагранж расплылся в улыбке, когда я открыла дверь. – Вот принес, чтобы ты на выходных могла себя занять и не слишком по мне скучала.

С этими словами, он сгрузил мне на руки стопку книг, перевязанную бечевкой, и удалился, весело насвистывая. Я проводила его ошеломленным взглядом. Потом спохватилась и торопливо спряталась в комнате, пока не дай бог никто не увидел и не сопоставил удаляющегося парня с моей открытой дверью.

Не скучала... по нему?!

Да что он о себе возомнил?!

Вечером воскресенья я сидела на окне в коридоре и читала книгу, и никто из редких проходящих мимо меня не замечал. Их можно понять – совершенно обычное зрелище: окно, девочка, книга.

Только под невзрачной обложкой “Рунная магия. Продвинутый курс” прятался учебник по семейному праву. А окно было расположено так, что с него прекрасно просматривались ворота и главный вход. В прошлый раз Лагранжа привезли ближе к ночи, но я надеялась, что выговору мадам Керлиони Лагранж-старший все же внял, и в этот раз они при-

едут пораньше. Ни малейшего желания торчать на этом окне полночи у меня не было.

Зачем я вообще пришла сюда “торчать”, я сама себе объяснить затруднялась.

Не то, чтобы я за него переживала. В конце концов, раньше он возвращался из дома в добром здравии. Но где-то внутри зудело странное любопытство.

У него нет проблем с магией, это факт. По крайней мере, тех проблем, которые исправляют в Горках. Я приглядывалась на этой неделе на занятиях и видела, как он колдует – легко, непринужденно, без малейшего напряжения. А то, что в ведомости записывалось как “срыв первого уровня”, а мы называли псевдосрывом, было обычными конфликтами с другими воспитанниками. Просто воспитателям для отчетности обязательно нужно указывать, что проблема есть и они над ней работают.

Значит, отец определил его сюда за поведение. Но какой смысл запихивать сюда двадцатилетнего лба, который через несколько месяцев все равно выйдет, да при этом еще и забирать его домой каждые выходные?

Неувязочка какая-то получается...

А то, что этот лоб, приехав из дома, по неизвестным причинам чуть не скончался в коридоре – это так, вишенка на торте...

Эх, плохая была идея тащить сюда право, все равно не могу сосредоточиться и придется перечитывать.

Я косилась на вход и на солнце, которое на некоторое время зависло над верхушками деревьев, а потом медленно, неуверенно, как купальщица в холодную воду, в них занырнуло.

А потом в какой-то момент, когда еще даже не успело окончательно стемнеть, калитка в воротах отворилась, и зашли трое человек. Я опознала светлую взлохмаченную макушку и обрадовалась – ожидание закончилось.

Лагранж с сопровождением пересекли двор и скрылись в замке.

Интересно, почему их двое? Достаточно и одного взрослого, чтобы передать “груз” с рук на руки. Понятное дело, что сам мистер Лагранж-старший не будет мотаться туда-сюда из столицы, чтобы проводить сынулю, но одного ответственного вполне достаточно.

Охрана?

От кого?

У главного мага страны есть враги? Хм, а может быть, он прячет здесь Даниэля, чтобы до него эти самые враги не добрались?..

Это имело бы смысл, охрана у нашего богоугодного заведения была дай боже – мышь не просочится. Но зачем тогда его забирать? Не надежнее держать здесь безвылазно, пока не решится проблема?

Я прикидывала, крутила ситуацию так и сяк, всерьез увлекшись загадкой. И, задумавшись, проморгала, когда

Лагранж прошел мимо.

– Привет, седая девочка, меня ждешь? Я тронут!

Вернее, мимо он не прошел, а плюхнулся на подоконник рядом с моими ногами.

Выдернутая из размышлений, я очень удачно изобразила изумление и негодование:

– С какой стати мне тебя ждать? Или ты еще книг привез?

– Какая ненасытная девочка, – Даниэль развел пустыми руками. – Как видишь, увы!

Я смирила его укоризненным взглядом – а мог бы и привезти! – и уткнулась обратно в книгу. Лагранж выглядел как всегда – весьма энергично и не в меру нагло – и на умирающего лебедя похож не был. Зря я все таки его караулила. Подумает теперь не бог весть что...

– Но я привез кое-что другое, – неожиданно произнес парень.

Я изумленно подняла глаза и уставилась на протянутую мне маленькую, с ладонь, золотистую жестяную коробочку, обвязанную тонкой прозрачной лентой.

– Конфеты будешь? – с улыбкой поинтересовался Лагранж.

Мои брови сами собой поползли вверх. Чего?..

– Ну же, бука, бери. Только не говори, что ты не любишь сладкое.

“Я не люблю сладкое!” – чуть не лягнула я исключительно из духа противоречия. Возможно, так и стоило сделать, но я

настолько растерялась, что продолжала молчать.

Даниэль окончательно разухмылялся и сам положил коробку мне на колени.

– Ладно, если что выброси. В следующий раз привезу тебе колбасы. Или колбасу ты тоже не любишь?

– Здесь дают колбасу, – невпопад заметила я. Конфет вот не дают...

– Это не та колбаса... – протянул Лагранж и мечтательно зажмурился.

Боже, с этого ненормального ведь станется и впрямь припереться ко мне с колбасой! Книжки же он где-то посреди недели достал! И вообще...

Поколебавшись еще мгновение, я подтянула колени с коробкой повыше и осторожно потянула за кончик ленты.

Металлическая крышка открылась с легким щелчком, а внутри действительно были конфеты – немного, всего девять штук, но каждая в гнездышке из нарядной золотистой фольги и каждая со своим рисунком, выполненным белым шоколадом на черном.

Шоколад пах так одуряюще, что у меня мгновенно набежал целый рот слюны. Я захлопнула коробку и вместе с лентой сунула в сумку, от греха подальше. Еще не хватало наброситься на конфеты как голодный гоблин.

– Спасибо, – пробормотала я, не поднимая глаз. – Не стоило.

– О-о-о, нет, – протянул Лагранж. – Однозначно стоило.

Ты очень мило краснеешь, седая девочка.

Я с шумом выдохнула раздражение, метнув в ловеласа гневный взгляд и размышляя, а не метнуть ли и конфеты. Но конфеты было жалко. Сто лет конфет не ела...

Зачем вообще это все? На него и так половина Горок вешается, ему меня в длинном списке обожательниц не хватает?

– Зачем было спрашивать, как меня зовут, если ты по имени ко мне обращаться не планируешь? – вслух я, впрочем, задала совсем другой вопрос.

– Из любопытства, – Лагранж поерзал, устраиваясь на подоконнике удобнее. – Знаешь, что мне еще любопытно? – он не стал дожидаться моего вопроса, верно догадавшись, что его не последует, и продолжил: – Мне любопытно, что с тобой случилось в понедельник после срыва.

Я сунула в сумку книгу и вознамерилась встать, уходя от разговора.

– А если я скажу, что в тот же день, когда я возвращался к себе от тебя, я внезапно провалился прямо в стену, а потом также внезапно выпал с потолка в своей комнате?

Я застыла и одарила Лагранжа недоверчивым взглядом. Не смеется, вроде. Даже не улыбается больше.

– Скажу, что у тебя глюки от магического истощения.

– Значит, это преподавательская версия? Что у тебя глюки? Удобно. Но нет, седая девочка, у меня точно не было галлюцинаций. Так что с тобой случилось на самом деле?

Перекинув ремень сумки через плечо, я посмотрела Лагранжу в глаза и выдала:

– Расскажу, если перестанешь меня так называть.

– Шантаж! – восхитился Даниэль, оживившись. – Нет, на такие условия я не согласен, придется сменить тему разговора. Скажи, у тебя парень есть?

Я закатила глаза, поднялась и решительно зашагала по коридору в сторону женского крыла. Позади послышались нагоняющие шаги.

– Ну зачем же так расстраиваться? Он тебя бросил? Или ты его? Или не было?..

“Я невидимка, невидимка, невидимка...”

Потерпи еще чуть-чуть, Лали, ему надоест и он отвалится. Ты уже много раз так делала. Можешь помечтать, чтобы его прямо сейчас снова куда-нибудь сначала провалило, а потом вывалило, главное только не говори ничего.

Я шла вперед глядя себе под ноги. Отполированные шагами плиты пола мелькали перед глазами. И когда они вдруг провалились куда-то вниз буквально передо мной, я почти успела остановиться.

Почти.

Я вскрикнула, теряя равновесие и проваливаясь в эту дыру, но жесткая рука ухватила меня за локоть и дернула назад, впечатывая в идущего за мной Лагранжа.

– Вот это номер... – пробормотал он в мои волосы.

Прямо перед нами пола больше не было. Но это вовсе не

означало, что он сломался, осыпавшись на этаж ниже. Перед нами зияла чернотой бездонная дыра.

– Что за?.. – вырвалось у меня против воли.

– Глюки? – иронично закончил Даниэль, делая несколько шагов назад и оттаскивая меня подальше от дырищи.

Я вытянула шею, пытаясь заглянуть туда, вглубь. И под моим взглядом в черноте что-то проявилось...

Одна за другой плиты пола выныривали из темноты и беззвучно вставали на свои места, пока через несколько долгих секунд пол опять не стал совершенно обычным. Я помотала головой и потеряла глаза.

Сюр какой-то.

– Будешь и дальше утверждать, что это не тема для разговора?

Я обернулась и только сейчас осознала, что Лагранж продолжает крепко держать мои плечи. Я передернула ими, высвобождаясь, и неожиданно для самой себя произнесла:

– Давай только уйдем отсюда. Пожалуйста.

Даниэль кивнул и зачем-то взял меня за руку.

– Идем, знаю я одно спокойное местечко.

Мне хотелось фыркнуть, тоже мне специалист нашелся – новичок! – учить меня будет на тему спокойных местечек, но я не успела.

Нет, пол под нами не провалился, просто на мгновение перед глазами все поплыло, сменило цвет на зеленоватый, как при взгляде сквозь бутылочное стекло, накрыло ощущение

невесомости, а потом... темнота. Абсолютная и всепоглощающая. Ни пола под ногами, ни искорки света перед глазами, всех ощущений – сжимающая мою руку чужая ладонь.

– Лагранж?.. – осторожно позвала я, севшим голосом.

– Я тут... – примерно с теми же интонациями отозвался парень и дернул меня, подтягивая поближе.

Я не совсем поняла, делаю я шаги или просто плыву в этой невесомости, но с удовольствием дополнительно вцепилась в нащупавшуюся рубашку и бицепс под ней.

– Со мной такое уже было, – произнесла я почему-то шепотом. – Почти. Когда я тащила тебя к себе в комнату, меня перебросило с одного этажа на другой с теми же сопроводительными эффектами. Только без черноты. Что нам делать?

Вполне возможно, окажись я в такой ситуации одна, я бы уже орала и билась в истерике. А так... было страшно, конечно, жутко даже. Но без паники.

– Подождем, – голос Лагранжа тоже звучал скорее напряженно, чем испуганно. – Я думаю, что-то должно случиться.

Я не стала говорить, что в последний раз, чтобы что-то случилось, мне пришлось биться как придурочной и ждать шесть часов. Хотя по моим ощущениям шесть часов тогда все же не прошло...

Вот мы сейчас стоим тут, подождем, а где-то там (не знаю, где именно “там”, но это точно не “тут” пронесутся часы, дни, столетия, и когда мы вывалимся из этой темноты, никого из знакомых уже не останется в живых (это может

быть грустно), и Горок давно уже нет (а вот это – не очень), и вообще мир неузнаваемо изменился, а мы – люди из прошлого...

Меньше фантастических романов надо читать! Я отвесила сама себе мысленную оплеуху, и попыталась сосредоточиться не на фантазиях, а на реальности.

Реальность ускользала. Единственным четким ориентиром, за который получалось зацепиться, оставался Даниэль Лагранж.

– Слышишь? – вдруг произнес он, и я почувствовала, как закаменели от напряжения мышцы под моими пальцами.

Я сначала отрицательно мотнула головой, и только потом – услышала.

Гулкие приближающиеся шаги.

Понять, откуда они звучат, было совершенно невозможно. А потом к шагам добавилось громкое сбивающееся дыхание. Кто-то бежал, задыхаясь. И когда во мне уже начала подниматься паника, в темноте вдруг как луч света прорезался силуэт. Определенно женский. Длинные светлые распущенные волосы и длинная ночная рубашка до пят.

Девушка бежала не к нам, а будто куда-то мимо нас. И то и дело оглядывалась. Совершенно незаметно из темноты стали проступать очертания интерьера, но они были зыбкими, как будто туманными, постоянно менялись не в силах закрепиться – колонны, коридор, узкая лестница, что-то невнятное...

Картинка возникла так резко, что у меня даже заслезились глаза. Хотя вокруг нас совершенно точно царила ночь, даже луна после полного мрака казалась ослепительной.

Мы – и девушка – оказались на крыше. На крыше нашего замка. К горлу подступила тошнота, а голова закружилась. Я по прежнему не чувствовала опоры под ногами, но высота несмотря на невесомость, казалась вполне реальной.

Девушка захлопнула за собой чердачную дверь, оглядела окрестности безумным взглядом, и осторожно ступая босыми ногами по наклонной черепице, направилась к нам.

– Эй! – Я вздрогнула, когда Даниэль ее окликнул.

И в то же мгновение вся картинка пошла трещинами и лопнула, на мгновение ослепляя.

Нас швырнуло вниз, больно ударив о твердь земную и на мгновение вышибив дух.

Я со стоном распахнула глаза, в которых плавали звезды и уставилась на небо – тоже ночное. Но вместо полной луны, заливавшей все светом мгновения назад, мой взгляд нащупал острые рожки новорожденного месяца.

– Осторожно, – произнес рядом Лагранж. – Без резких движений.

Я скосила на него глаза, послушно не торопясь подниматься, и почувствовала как мне натурально дурнеет – мы были на крыше.

Настоящей, всамделишной замковой крыше. До благословенной земной тверди, которой я так обрадовалась, было

добрых шесть этажей...

Горло перехватило так, что даже крик в нем застыл. Я с ужасом уставилась на крохотное, не более десяти сантиметров, ажурное металлическое ограждение – все, что отделяло нас от пропасти.

“Хорошо еще, крыша довольно пологая...” – мелькнула отстраненная мысль.

Зря она это, потому что даже слабый уклон резко сделался ощутимым, и меня захлестнуло паникой – будто я вот-вот сползу туда, вниз. Пальцы вцепились в черепицу, я зажмурилась и постаралась выровнять дыхание.

Фух, дышим. Думаем. Если подать сигнал, то его возможно кто-нибудь заметит и обязательно нас спасет! Заодно, может быть, кто-то из профессоров все же даст более разумное объяснение происходящему, чем галлюцинации!

Приняв решение, я открыла глаза, и меня чуть удар не хватил. Лагранж стоял, выпрямившись во весь рост, чуть расставив ноги для устойчивости, и озирался.

– Там есть люк! – радостно оповестил он меня. – Давай руку.

Я еще крепче вцепилась в черепицу и отчаянно помотала головой.

– С ума сошел? Никуда я не пойду. Сейчас подадим сигнал и нас снимут.

– Ты боишься высоты? – спросил парень. Что удивительно – без насмешки.

– Шестиэтажной и без ограждения – боюсь! – отрезала я.

Лагранж помолчал немного, задумчиво изучая мое распластавшееся по крыше тело. Мне ужасно хотелось дернуть его вниз, чтобы он сел, а лучше лег, и не вызывал у меня паническую тошноту своим безрассудством, но мне не хотелось, чтобы это выглядело так, будто я о нем беспокоюсь.

– Они могут не увидеть.

– Что?

– Ты, конечно, подавай сигнал, но его могут не увидеть. Во-первых, сейчас все в большинстве своем уже по комнатам, а мы на крыше жилого крыла, то есть люди под нами, тяжело привлечь их внимание. А во вторых, помнится ты пропала на шесть часов и никто тебя не нашел, пока ты сама не вывалилась.

Он снова протянул руку:

– Давай. Мы не упадем, обещаю. Тут до люка всего десятков метров. Сними только туфли. Босиком устойчивее, чем на каблуке.

Я сглотнула.

Медленно села, стащила сначала одну туфлю, потом другую. Пристроила рядом с парой Лагранжа. А потом уцепилась ледяными пальцами за протянутую ладонь.

– Не торопись. Не бойся, я держу. Не смотри с крыши вниз, только под ноги.

Он осторожно потянул меня наверх, помогая выпрямиться.

Колени тряслись, зубы, кажется, стучали. Да я вся дрожала как осиновый лист на ветру.

– Сейчас попробуем кое-что, держись, – Лагранж переложил мои пальцы себе на локоть и принялся колдовать.

Нам в лицо нежно дохнуло теплым воздухом, а потом меня как будто сдавило со всех сторон мягкой подушкой. Ощущение не то, чтобы приятное, потому что на лицо ее тоже наложили. Я хватанула воздух ртом, и, к счастью, урвала для легких кусочек кислорода.

– Потерпишь? – Даниэль заглянул мне в глаза. – Это для уверенности.

Я сначала не поняла о чем он, но, сосредоточившись на ощущениях, сообразила, что эта подушка будто поддерживает меня, не давая шататься, замедляя движения, но делая их от этого более точными. Будто воздух вокруг меня уплотнился и преодолевать его надо с усилием. А усилие это мешает дрожать.

И я кивнула.

Пара десятков мелких шагов по крыше вдоль многоэтажной пропасти показались мне вечностью.

Я вся вспотела, как после часового забега, перед глазами слегка плыло, то ли от паники, то ли все таки от нехватки кислорода. Хотя я больше все же ставила на панику. “Не смотри вниз” – это то самое указание, которое ни-ког-да не стоит давать боящимся высоты!

Когда Даниэль остановился, мое сердце чуть не остано-

лось вместе с ним, решив, что мы падаем. И на всякий случай, плюхнулось в желудок, скрутив его судорогой.

Но оказалось, что мы просто дошли до люка.

Деревянную дверцу Лагранж бесхитростно вынес магией. Дерево брызнуло вниз щепой и обломками, открывая нам зияющий чернотой лаз на чердак.

– Садись, – скомандовал Лагранж, и я с огромным удовольствием подчинилась, почти не чувствуя ног от волнения. Стоило мне сесть, как заклинание-подушка развеялось, свежий вечерний воздух хлынул в легкие, а тело, лишившись поддержки, сделалось слабым и снова трясущимся как желе.

Парень тоже опустился на четвереньки, сунул голову в люк, пустив вперед себя светлячка, что-то хмыкнул под нос и, сообщив: “Я первый!” – ловко соскочил в темноту, оставляя меня на крыше одну одинешеньку.

– Падай, бука, – донеслось из этой темноты. – Я поймаю. Уловив мои колебания, он жизнерадостно добавил:

– Думай о том, что упасть на чердак – это куда менее страшно чем упасть на каменный замковый двор!

Да этот парень мотиватор года!

Уцепившись за деревянную раму, я спустила вниз одну ногу, потом другую, и только тогда, ощутив себя увереннее, посмотрела вниз.

Лагранж, который выпрямившись едва ли не задевал потолок, ухмыльнулся, обхватил меня за талию, и легко снял с крыши на пол.

– Поймал! – объявил он, страшно довольный собой.

По хорошему, надо было его стукнуть и побольнее.

Но вместо этого я закрыла лицо руками и ткнулась лбом в лагранжевское плечо.

Вообще любое другое плечо подошло бы куда больше! Но к сожалению, других плеч в поле зрения не наблюдалось, а мне надо было прийти в себя и не сорваться в истерику. И хорошо, если только в истерику.

Даниэль замер на несколько мгновений. А потом осторожно выпустил мою талию, чтобы переместить руки мне на плечи. Он чуть сжал их, и я ощутила горячий выдох на своей шее. А еще через несколько мгновений одна рука поднялась еще выше, и коснулась волос...

Я судорожно, с сухим всхлипом выдохнула и резко отступила на шаг, выворачиваясь из его рук. Дура, Лали! Теперь он решит, что ты на него вешаешься!

– Все хорошо, – пробормотала я, зачем-то вытирая сухие щеки и часто моргая. Слезы так и не пролились, и слава богу! – Со мной все нормально. Идем отсюда.

– Нет, – Лагранж мотнул головой. – Подожди.

А потом он ухватился руками за раму люка, ведущего на крышу, подтянулся и забрался туда, откуда мы только что благополучно свалили и куда я не планировала возвращаться больше никогда в жизни!

– Ты сдурел?! – пискнула я.

Светлая лохматая голова, очерченная слабым нимбом

лунного света, просунулась в квадрат.

– Я быстро. Наверное... надо кое-что проверить.

И он исчез.

Проклиная все на свете, начиная от Лагранжа и заканчивая общей тотальной несправедливостью, я беспомощно огляделась. Взгляд нащупал выстроившиеся у стены ящики. Подтащив один из них под люк, я взгромоздилась на него и кое-как сумела высунуть наружу голову.

Рот приоткрылся сам собой. Лагранж стоял посреди крыши раскинув руки, а вокруг него в воздухе парила огромная объемная октаграмма слабого нежно голубого цвета. В ней звездами мерцали незнакомые мне символы, а Лагранж что-то бормоча себе под нос доставал из воздуха все новые и новые и они расплывались по октаграмме занимая в ней свои места.

И когда последний символ заполнил пустоту, воздух зазвенел от скопленной силы. Октаграмма разгорелась чуть ярче, и еще ярче, раздулась... и беззвучно лопнула, взорвавшись мириадами голубых блесков. Они падали с неба, как снег, оседая на волосах, на ресницах, на носу.

На крыше.

И на воздухе, постепенно вырисовывая размытый, но однозначно трактуемый силуэт – девушка из видения. Блестки висели в воздухе доли секунды, а потом резко осыпались и исчезли.

Я только и смогла, что затолкать поглубже полное некон-

тролируемого восхищения “вау!”.

Я не знаю, что это было, но что-то однозначно из разряда высшей магии.

И мы возвращаемся к моему вопросу – какого беса Даниэль Лагранж забыл в Горках?

Ну еще к одному – что за фигня?!

Последний я не постеснялась озвучить после того, как Лагранж спрыгнул обратно на чердачный пол и протянул мне мои собственные туфли, которые прихватил по дороге обратно. По крыше он разгуливал с такой невозмутимой легкостью, будто это была мостовая.

Выглядел он озадаченным и на вопрос отвечать не торопился. Причем очевидно, не потому, что хотел потянуть время и потерзать мое любопытство.

Он взъерошил волосы, бросив еще один взгляд на крышу, и наконец произнес:

– Похоже на призрака.

– Привидение?.. – изумилась я.

– Похоже. Но...

Он осекся.

– Давай уберемся отсюда на всякий случай, и тогда поговорим. Не похоже, конечно, что нашего призрака, или кто там за него, смущает, где мы находимся, но тут мне что-то совсем не нравится.

С этим мне точно не хотелось спорить, и даже любопытство согласилось заткнуться на пять минуточек и не топтать

ногами “рассказывайте мне все сию же минуту!”.

Не без труда взломав преподавательские печати (на чердак воспитанникам лазать запрещалось, одно хорошо – изнутри они были в несколько раз слабее, чем снаружи), мы выбрались из чердака и оказались в классном коридоре. Но не успели сделать и нескольких шагов, как дверь одной из аудиторий отворилась, явив нам мистера Рока.

– Элалия?..

Он перевел недоуменный взгляд с меня на Лагранжа и обратно, и едва заметно нахмурился. Посмотрел на часы.

– Не буду спрашивать, что вы здесь делаете в такое время. Мистер Лагранж, будьте любезны, отправляйтесь к себе. Мисс Хэмптон, задержитесь минутку, а затем я вас провожу.

Я опустила ресницы в пол, раздосадованно закусив губу.

Ну что за невезение! Сначала миссис Керлиони застучала, как Лагранж меня за волосы хватает, теперь это...

И самое обидное – начнешь объяснять и оправдываться, ведь еще хуже будет!

Объяснять...

Погодите. Нужно же обо всем рассказать преподавателям!

Или?..

– До завтра, Лали, – бросил Лагранж и преспокойно зашагал по коридору прочь от нас. Хоть бы знак какой подал, засранец!

Мистер Рок дождался, пока парень скроется на лестнице, и двинулся в том же направлении, жестом приглашая меня

следовать за ним.

Профессор молчал, я грызлась совестью и сомнениями. Может хоть про чердак сказать? А то ведь он теперь не закрытый... и люк выбит. А если дождь или кто-то залезет? А потом поймут, что это мы печать выломали. Можно попроситься с безукоризненной ведомостью...

А если сказать, то надо же объяснять что мы делали на чердаке и вообще...

Призрак.

Это он серьезно?..

Мистер Рок, я вас, конечно, люблю, но как же вы сегодня невовремя!

Преподаватель молчал до самой моей комнаты, не читая нотаций и не задавая вопросов. И только остановившись возле моей двери коротко произнес:

– У вас отличная успеваемость и определенный талант к рунной магии. Будет очень жаль, если вы все это испортите юношеским увлечением. Надеюсь на ваше благоразумие, мисс Хэмптон.

– Да, профессор, – пробормотала я. А что тут еще скажешь?..

“Вы все не так поняли, профессор! Нас с Лагранжем просто привидение на крышу закинуло! То самое, из-за которого вы меня искали неделю назад шесть часов, и да, то самое, которое постановили признать галлюцинацией!”

А-а-а-а-а! Ну почему он не успел ничего мне расска-

зять?!

Оказавшись в комнате, я зло швырнула на кровать сумку. Сумка брякнулась с необычным звуком. Забравшись с ногами на одеяло, я вытянула оттуда забытую коробку конфет. Покрутила в пальцах.

Конфеты, надо же...

Потом решившись, откинула крышку, осторожно вытащила шоколад из его золотистого гнезда и надкусила.

Катая за щекой кусочек шоколада, как леденец, смакуя то, как он тает, наполняя рот волшебным вкусом, я думала о том, что моему статусу невидимки появилась серьезная угроза.

Даниэль

Вода дробилась о голову и плечи, стекала по спине горячими ручейками. Душевую кабинку наполнил пар, от густого, пропитанного влажностью воздуха, слегка кружилась голова.

Я стоял под душем, упершись ладонями в холодный кафель, опустив голову, и несколько долгих минут просто вообще ни о чем не думал, сосредоточившись на неровных звуках падающих капель, на ощущении омывающей тело воды.

Это состояние – бездумья – было самым спокойным. Жаль, что ухватить его надолго не получалось. Одна случайная мысль, совершенно глупая и поверхностная, цепляла

хвостом другую, третью, десятую и вот они уже сдавливают голову железным обручем.

Сегодня этой мыслью было “Хорошо хоть в соседних кабинках сегодня никто не развлекается... а то завидно же!”.

Хотя, казалось бы, чего завидовать? Чай, не в монастыре. Взять вон Мирей...

Длинноногая брюнетка, пронзительно синеглазая, волосы – шелк и вороново крыло, фигура – грудь, попа, все есть! Недвусмысленно намекала, что она совершенно не против.

Может, и я не против?

Я повел плечами, переступил ногами, слегка меняя позу, чтобы струя душа была прямо в затылок.

Красивая, яркая. Куда ни зайдешь – ее сразу видно.

В отличие от Лали.

Девочка-невидимка.

Я ведь и правда не замечал ее почти месяц, несмотря на то, что у нас было по восемь совместных занятий в неделю, не говоря уже о том, что все воспитанники живут в замкнутом пространстве и так или иначе пересекаются.

Но мне почему-то приятно было знать, что я обратил на нее внимание еще до того, как девчонка вытащила меня с того света – зацепился взглядом за причудливую игру серебристых бликов на неестественно светлых, почти белых волосах.

Вот уж у кого однозначно нет опыта ни в сексе в принципе, ни в отношениях в целом. Достаточно оценить ее реак-

цию на мои пошлые шуточки. И на конфеты.

Вообще я не планировал ей их дарить – случайно получилось. Столкнулись с секретарем отца на выходе, и тот тащил корзину всякой ерунды – дары простых смертных небожителю, они же – подарки и уголовно не наказуемые взятки папаше от благодарной клиентуры. Коробка конфет лежала сверху, и я, повинувшись внезапному порыву, сунул ее в карман. Все равно большинство подарков в итоге и оседали у секретаря да ближайшего окружения...

Такая мелочь, а седая девочка уставилась на меня – будто я ей ключи от машины вручил.

А ведь она меня ждала. Боялась, что снова придется откачивать?

Беспокоилась, выходит.

Но изо всех сил пушилась и ершилась, чтобы я не дай боже ничего подобного про нее не подумал. При воспоминании о сурово сдвинутых бровях и насупленном взгляде исподлобья улыбка лезла на лицо сама собой.

Вряд ли она сильно меня младше, если вообще младше, но почему-то рядом с этой девицей я ощущал себя старше, взрослее, сильнее, опытнее. Забытое ощущение. Я не испытывал его с тех самых пор, как отец забрал меня из академии.

“Пребывание в “Зеленых Горах” пойдет тебе на пользу. Мы поработаем над тобой и твоими проблемами. Через год вернешься, наверстаешь, будет стимул работать усерднее”.

Папаша всегда был мастер формулировок...

Выключив воду, я ухватил висящее на крючке полотенце. Все равно медитативный настрой был потерян, чего дальше мокнуть? Одно хорошо, я сегодня прилично поистратился на это поисковое заклинание, можно не маяться от переизбытка и не стравливать его на какую-нибудь нудную мелочевку.

Результат правда вышел странный.

Заклинание, которое я использовал, должно было ухватить за хвост любые чары, которые творились в пространстве меньше получаса назад. Громоздкое, но действенное. Его частенько использовали в криминалистике, если удавалось прибыть на совершенное с помощью магии преступление достаточно оперативно.

Мое заклинание ухватило не чары, а женский образ, явившийся нам с Лали в навязанном видении.

Я не сразу понял, что это значит. Некромантия – не мой профиль, но покопавшись в памяти...

Призраки в наше время были редкостью. С развитием магии старых, действительно опасных призраков почти всех позапечатавали или помогли продолжить путь. А новорожденные привидения слабы, они легко вычисляются и уничтожаются даже не самыми одаренными некромантами. Что-то противопоставить современным магам они могут только со временем, но как правило, сдают себя раньше, чем вступают в полную силу.

Призрак – это одновременно и разум, и стихия, и почти

безграничное могущество, и строгие ограничители...

Поисковое заклинание могло обнаружить призрака, но оно выдержало бы его в этот мир, облекло в плоть на какое-то время, дало возможность вступить в контакт и, возможно, избавиться от потусторонней сущности без лишних усилий, просто оборвав нить, которая привязывает его к земле – безнаказанный убийца или незавершенное дело.

Ни о какой “плоти” на крыше речи не шло. Тень, силуэт, отпечаток, похожий на воспоминание...

Возможно, я ошибся. И это не призрак. Но в этом в любом случае будет интересно покопаться...

Надеюсь, седая девочка не успела все растрепать наставнику.

Было странное желание держаться к ней поближе. Словно в ее присутствии выжирающая изнутри сила меньше жгла. То ли я отвлекался, потому что в ее присутствии все время что-то приключалось. То ли вкачав в меня тонну собственных сил и расписав собственной же кровью она потревожила какие-то тонкие материи.

Плевать. Я готов цепляться за любое облегчение.

Маленькое совместное расследование – отличный способ и отвлечься, и держаться поближе!

От меня не спрячешься, Невидимка.

Глава 4

Элалия

Спала я беспокойно, ворочаясь с боку на бок, проснулась уставшей. Приползла на завтрак, плюхнулась на свое место привычно всеми игнорируемая, подтянула к себе корзинку с хлебом, размышляя, о том, что надо как-то умудриться перехватить Лагранжа до или после урока по практической магии, и вытрясти из него душу вместе с нужной информацией, но при этом не привлечь ничье внимание.

Задача не складывалась. Я всерьез задумалась о том, чтобы махнуть на все рукой и вообще сделать вид, что ничего не было, когда почти над головой прозвучало:

– Я сяду тут, красотка, не против? А то за столом Зака мне, кажется, больше не рады.

Я вздрогнула, вскинула глаза, и увидела, как Лагранж, одарив Мирей широкой улыбкой, усаживается на стул рядом с ней, напротив меня.

– Скажи, где тебе вообще рады? – буркнул под нос Адриан.

– Заткни-и-ись, – пропела Мирей распрямляя спину и выкатывая вперед идеальную грудь, виднеющуюся в декольте форменной блузки, расстегнутой на три пуговицы больше положенного. – Конечно, Дани, мы тебе рады. А Флинн все

равно хотел перебраться в другую компанию, правда Флинн?

Худосочный, никогда и никому не возражающий Кармайкл, безропотно пересел за стол к Заку, игнорирующему Лагранжа со сдержанным достоинством.

Выходит Даниэль сел на место Криса, а Криса Мирей легким движением руки передвинула на место Флинна...

Ой что будет...

Нет. Нет, нет и нет. Мне точно не нужна абсолютно никакая информация от Даниэля Лагранжа! пусть засунет свои изыскания, куда угодно, я не желаю иметь к этому ни малейшего отношения!

– Ла-а-али-и... – выдернул меня из панической атаки голос человека, эту атаку породившего.

Я вздрогнула, вскинула на Лагранжа глаза и с изумлением уставилась на протянутую в мою сторону руку.

– Хлеб передай, Невидимка, – закатила глаза Мирей. – Не обращай внимания, Дани.

Хлеб... я спохватилась, протянула Лагранжу корзинку, которую все ещё держала в руках. Парень одарил меня беглым невыразительным взглядом, бросил "спасибо" и снова повернулся к Мирей. В теории надо было порадоваться. На практике – почему то стало обидно.

Мирей выхватила кусочек хлеба прямо из-под пальцев Лагранжа, одарив того неземной улыбкой, и принялась намазывать на него масло. На хлеб, не на Лагранжа, хотя по тому, как нож скользил по коричневому кругляшку, можно

было делать какую угодно ставку – Даниэля маслом она бы тоже с удовольствием намазала!

И в этот момент к нам присоединился Крис.

В отличие от Зака Фишера, Кристиан Эриндейл обладал внушительным самообладанием. Рокировки за столом он будто бы не заметил – только глаза вспыхнули гневом на мгновение – а потом он как ни в чем ни бывало опустился на стул Флинна.

– Что притихли и пялитесь? – хмыкнул он. – Я побрился неудачно?

Он потер подбородок, будто и впрямь проверял, нет ли где пореза.

– Твой галстук! – артистично всплеснула руками Алисон.

– Что?

– Он есть и завязан! Ребята, он болен, у него вот-вот сорвет крышу, мы все умрем! – некромантка закатила глаза и, прижав ладонь ко лбу, упала “в обморок” на руки Адриану и тут же наехала на него, что эти самые руки он вздумал распускать.

Все захихикали, казалось бы, обстановка была разряжена.

Ровно до тех пор, пока нам не принесли овсянку. Столовая наполнилась стуком ложек. Кто-то ел, кто-то – я, например, уныло размазывал мерзкую жижу по тарелке. Ненавижу овсянку, с детства. Вот только все равно надо было собраться с духом и запихнуть ее внутрь – кто не ел, тот получал наряды на кухне, а посудомойки отправлялись в отгул.

“Если у вас нет аппетита очистить тарелку так, то вы всегда можете это сделать иначе”.

Я как раз собралась наконец с духом, чтобы отправить в рот первую ложку, как Крис внезапно произнес:

– Это правда, Лагранж, что тебя из королевской академии выперли?

Вопрос был задан таким небрежно-светским тоном, что сразу всем было понятно – это нападение.

Даниэль, спокойно донес до рта овсянку, проглотил, и только тогда ответил, глядя Крису в глаза:

– Правда.

Мирей рядом шумно выдохнула. Метнула в поклонника бешеный взгляд и восторженно промурлыкала:

– О-о-о, Дани... ты учился в королевской академии? А на каком факультете?

Лагранж помедлил, делая вид, что увлечен овсянкой. Крис сощурил глаза. Над столом повисло выжидающее молчание – интересно было всем.

– Высшей структурной магии, – наконец произнес Даниэль.

– Заливаешь! – присвистнул Адриан, первым не сдержав изумления.

– Серьезно? – эхом отозвалась Алисон.

– Ва-а-ау, – протянула Мирей.

А Крис только раздул ноздри.

Я против воли посмотрела на ходячую неприятность,

Лагранжа-младшего, несколько по-новому, переваривая услышанное. Королевская академия – это в принципе заведение для избранных, и одного происхождения или денег для того, чтобы туда поступить мало. Но еще и высшая структурная магия...

Маги-структурники являются неизменно востребованными специалистами во всех отраслях жизни. Только они могут проектировать сложные магические конструкции, требующие учета множества факторов. Маги-структурники – это не только сила, это еще огромный багаж знаний и умений. Магическая элита этого мира.

Конечно, с его наследственностью – это не то, чтобы совсем удивительно. Лагранж-старший, был известнейшим структурником нашей страны. Но...

Хоть убей не вязался у меня образ Даниэля-тронь-меня-убью с образом прилежного студента на сложнейшем факультете.

Впрочем...

Его же выгнали.

Это вязалось уже куда больше.

Кажется, отойдя от первого шока, к этой мысли вернулись все.

– Впечатляет. Жаль, что ты для этого оказался недостаточно хорош, – с ядовитым сочувствием хмыкнул Крис.

– Кто тебе сказал, что его выгнали за неуспеваемость? – вскинулась Мирей.

Мне хотелось пнуть девицу под столом.

Зачем ты его защищаешь, дура? Только хуже ведь делаешь. Тебе-то ничего не будет, Крис слишком тебя любит, а Лагранжа он за эту твою защиту в порошок сотрет.

Ну... попытается.

– Мне-то сказали, что его выгнали за наркоту, – лениво протянул Эриндейл. – Но я решил, что это нужно быть совсем идиотом. Или ты совсем идиот, Лагранж? Тебя за этим папаша сюда отправил? Надеется, что тут из тебя выбьют... дурь?

Даниэль прикончил кашу, звонко бросил ложку в пустую тарелку и на несколько мгновений демонстративно возвел глаза к потолку, откуда не так давно на нас просыпался магигегасящий порошок. А потом неторопливо поднялся – ножки стула скрипнули по полу. Крис не дрогнул, хотя мне показалось на мгновение, что новенькому плевать и он на бис повторит трюк “Лагранж и магия в столовой”.

– Благодарю за приятную компанию, господа, – произнес он с улыбкой, а потом подхватил запястье Мирей, склонился над ним и запечатлел поцелуй на глазах у всей школы. – И дамы.

Подхватил сумку – и удалился, сопровождаемый десятками обалдевших и приличным количеством злых взглядов. На меня он даже не посмотрел, будто меня и не было.

Так и должно быть.

Мирей лучилась, получив очередное подтверждение сво-

ей исключительности. Алисон завистливо кусала губы.

Я покосилась на Криса. Лицо его было невозмутимым, но ледяная аура бешенства вокруг него была почти осязаемой.

Зря Лагранж так. Вот с Крисом я бы на его месте все же не связывалась...

Понедельник – напряженный день. После относительно свободных выходных, предполагающих лишь процедуры и периодические коллективные развлекательные мероприятия, наставники берутся за нас всерьез. А за меня в этот раз – особенно. Очевидно, деньги на счет “Зеленых Гор” были переведены без задержек. При мысли об этом скрипели зубы и сжимались кулаки. Во время совместного занятия мистер Кроуч от меня почти не отходил, а во время индивидуального – выжал все соки, так что на срыв, даже вознамерясь я его повторить на бис, сил все равно не осталось.

– А теперь, Элалия, давайте мы попробуем кое-что новенькое, – с доброжелательной улыбкой предложил профессор, и я мысленно застонала.

Да во мне ни капельки ничего не осталось, какое такое новенькое? Отпустите меня уже пожа-а-алуйста.

– Ну-ну, Элалия, не делайте такие несчастные глаза. Мы тут не ради меня, а ради вас. Садитесь.

И подавая мне пример, мистер Кроуч тоже опустился на пол, усаживаясь в позу лотоса.

В комнате для индивидуальных занятий на полу растет

трава, а стены покрыты мягким зеленым мхом. Где-то отдаленно журчит ручей, и это журчание периодически разбавляется стрекотом сверчков или нежным чириканьем незнакомой птицы. На мне – не строгая форма, а свободный спортивный костюм и волосы не стянуты в косу, а лишь перехвачены лентой в небрежный хвост. Здесь ничего не должно мешать, давить, раздражать. Полная гармония с собой и окружающей обстановкой.

Я села, не дожидаясь следующего указания – закрыла глаза, вдохнула и с шумом выдохнула, расслабляя тело.

– Отлично, – мистер Кроуч оценил мою выдрессированность. – Я хочу, чтобы вы сейчас сосредоточились и заглянули внутрь себя. Нашли свою магию. Положите руки на живот. Вдохните. Опишите мне ее.

– Описать? – осторожно переспросила я.

– Да. Какая она? Какой вы ее видите? Ощущаете? Хотя бы пару прилагательных, дальше я вам помогу.

Я снова выдохнула, поерзала попой по траве. Собственную ауру, собственную магическую силу невозможно увидеть со стороны так, как чужую. Когда смотришь на других, оно куда более зримо и... материально что ли, более понятно. Именно поэтому целители – сапожники без сапог, сами себя лечить толком не могут.

Это ощущения – в солнечном сплетении тянет, в грудной клетке греет, на кончиках пальцев в момент колдовства покалывает, по позвоночнику, когда не подчиняется, деревянные-

ет. Иногда щекочет затылок, иногда бьется в висках. Иногда оседает кислым привкусом на языке.

Но в прилагательных?..

– Я не могу подсказывать вам варианты, Элалия. Дайте мне для начала хотя бы одно слово – какая она, ваша магия?

– Бестолковая, – недовольно буркнула я.

– Для начала неплохо, – подбодрил меня наставник ровным тоном, не опровергая, но и не соглашаясь. И дал обещанную подсказку: – Может быть, она вызывает в вас какие-то чувства?

– Пугающая...

– Нет, бояться мы все же не будем, давайте подберем что-то схожее по смыслу.

Я помедлила несколько мгновений, прислушиваясь к себе.

– Опасная?

– Отлично. Еще?

– Неуловимая.

– Прекрасно. Еще?

Я молчала, судорожно соображая.

– Давайте, Элалия, еще одно и я оставлю вас в покое. Ваша магия, она...

Мне вспомнилось цунами последнего срыва. Громада. Мощь. Захватывающее дух зрелище.

– Красивая, – едва слышно выдохнула я.

– Вы можете открыть глаза, – судя по голосу, наставник

был доволен.

Я подчинилась. Повела плечами, расслабляя неожиданно напряженное тело. Странно что какое-то упражнение на ассоциации потребовало от меня такой каменной сосредоточенности.

– Итак. Бестолковая и неуловимая, опасная и красивая. Вашим домашним заданием будет подобрать животное, или иное живое существо, которое, по вашему мнению, обладает всеми этими качествами. Подумайте хорошенько, с этим животным вам потом предстоит много работы, поэтому важно выбрать что-то, что действительно в вас отзывается на все эти определения.

Это действительно что-то новенькое. Даже любопытно стало, к чему это все, что за психологическая уловка?

– Вы отлично поработали сегодня, Элалия. Помните, завтра у вас электроток и мы снова встретимся через два дня. Еще раз прошу, подойдите серьезно к выбору зверя, это очень важно.

– Я поняла, мистер Кроуч.

Я встала, одернула костюм и вышла из комнаты для занятий.

– Ну наконец-то! – раздался откуда-то сбоку недовольный голос. – Сколько можно тебя ждать, седая девочка?

Я изумленно повернула голову и пронаблюдала, как Лагранж, оторвав свою задницу от подоконника, направляется в мою сторону.

Он издевается?!

– Я себе все что можно отсидел, – как ни в чем ни бывало, продолжил Даниэль. – Вот скажи, почему мое занятие с мистером Кроучем длилось от силы пятнадцать минут, а твое – больше часа?

– Потому что у меня проблемы, а ты – симулянт, – озвучила очевидное я и тут же вспыхнула: – Какого беса, Лагранж? Ты что, следишь за мной?

– Слежу, – легко согласился парень и развел руками: – А что поделать, индивидуальных расписаний в свободном доступе не висит. Если дашь мне свою копию, то следить перестану, буду просто знать, где тебя искать, когда мне понадобится.

Псих. Ненормальный. Наглый. Избалованный всеобщим вниманием.

Просто не втягиваться. Просто не отвечать.

– Я подумала и решила, Лагранж – мне не интересно. Поэтому давай ты дальше будешь делать вид, что мы незнакомы, у тебя хорошо получается.

– Что неинтересно? – Даниэль приподнял брови.

– Твои предположительные призраки мне неинтересны. Если еще раз случится что-то подобное, я просто пойду к ректору, и пусть об этом болит голова у преподавателей. У меня нет времени на эту ерунду.

Я не стала поворачиваться и уходить, только нахмурившись смотрела в светло-серые глаза, демонстрируя, что не

убегаю, а озвучиваю свою уверенную и твердую позицию.

– Окей... – задумчиво протянул Лагранж. – А на какую есть?

– Что?

– На какую ерунду у тебя есть время? Может, как старожил просветишь меня, чем вы тут в свободное от самосовершенствования время занимаетесь? Хотя на твоём месте я бы все же выбрал привидение.

– Мирей тебя просветит с огромным удовольствием, – буркнула я и таки повернулась к нему спиной, направляясь в сторону своей комнаты.

– Ревнуешь, седая девочка? – хмыкнуло за спиной.

Резко крутанувшись на пятках, я едва не врезалась в последовавшего за мной попятам парня, и тут же разъяренно ткнула его пальцем в грудь.

– Меня. Зовут. Элалия. Ясно тебе? Лали. Если на это язык не поворачивается – Невидимка. Все. Больше никаких вариантов. Понял? И еще – мир не крутится вокруг тебя, Лагранж. Есть люди, которым на тебя плевать, с этим тоже придется смириться.

Я застыла, сверля его злым взглядом, готовая ударить, если придется. Я не маленькая девочка, я умею за себя постоять. Чему-чему, а этому Горки учат.

Даниэль не шевелился, не пытался отстраниться, только задумчиво смотрел на меня сверху вниз. А потом разомкнул губы и медленно произнес, как будто хотел запомнить:

– Э-ла-ли-я...

От низкого, с хрипотцой, голоса, протянувшего мое имя, по позвоночнику пробежала странная дрожь. Я облизнула резко пересохшие губы и отступила сама. Но прежде, чем я успела в очередной раз его послать, Лагранж произнес:

– Как давно у тебя срывы?

– Что? Какое тебе дело? И зачем вообще ты за мной таскаешься?

Парень пожал плечами.

– Мне скучно.

– Я тебя развлекать не нанималась!

Лагранж закатил глаза, и как-то неуловимо ухватил меня за талию, привлекая к себе, поднял и едва не закинул на плечо! Я вскрикнула, уперлась ладонями в его плечи, попыталась извернуться и лягнуть, но парень рассмеялся и выпустил меня даже прежде, чем я успела этого оскорбленно потребовать. Я стекла по нему вниз, обратно на пол и возмущенно толкнула в грудь.

– Придурок!

– Бука. Идем, если не хочешь, чтобы я тебя нес.

Мой взгляд метнулся по коридору – не было ли свидетелей? Но в этот раз кажется обошлось.

– Куда?

– В библиотеку, Элалия, в библиотеку...

Кажется, я погорячилась. И "седая девочка" в исполнении Лагранжа мне нравится куда больше чем собственное имя!

Потому что имя звучит как-то...отвратительно просто звучит!

– Бес с тобой, идем, – сдалась я. – У тебя полчаса.

Даниэль

Я шагал по коридору, внутренне посмеиваясь, абсолютно довольный собой. Седая девочка пристроилась позади на расстоянии в метр и, кажется, старательно делала вид, что она вообще не со мной, нам просто в одну сторону.

Пусть. Главное – идет.

Я наблюдал за ней сегодня краем глаза, и начал понимать, почему ее называют Невидимкой. Политика полного невмешательства – “меня здесь нет”. Во время конфликта в столовой Мирей его разжигала, Алисон пыталась сгладить, Элалия... Элалия просто наблюдала со стороны. “Меня это не касается”. На занятиях она старалась ровно столько, сколько нужно, чтобы не выделяться ни для наставников, ни для воспитанников. Единственное, где она позволяла себе чуть больше – рунная магия.

Не хочешь иметь дел с местным контингентом? В этом мы с тобой схожи, седая девочка...

Одно пока не укладывалось – если она здесь из-за семейных проблем, то почему срывы? А если из-за срывов, то зачем ей семейное право? И пусть мой вопрос про срывы она проигнорировала, это не значит, что я постесняюсь задать

его еще раз.

Я остановился возле библиотечных дверей. Наглухо закрытых и запечатанных заклинанием библиотечных дверей.

– По понедельникам библиотека открыта только первую половину дня, – равнодушно прозвучало за моей спиной.

Я обернулся. Лали смотрела на меня с удивительной смесью кротости и вызова.

Что ж, мелкую колкость я, конечно, оценил, но ты пока что все же плохо меня знаешь, бука.

Линии печати высветились перед глазами в стройный выверенный рисунок, созданный еще несколько десятков лет назад, но с тех пор так и не претерпевший изменений. Я мог бы сломать ее, как выломал печать на чердаке. Но на чердаке не стояло сигнализации, а здесь она была – тонкая мерцающая нитка по контуру основного заклинания. И если осторожно подхватить ее хвостик...

Сигналка свернулась в ладонях слегка покалывающим клубком и, лишившись подпитки основного заклинания, быстро растаяла, утекла сквозь пальцы бесполезной силой. И ладно уж, если взялся действовать профессионально, на полпути бросать негоже.

Точные действия. Знакомый алгоритм. Выверенность скупых движений и филигранность магических потоков. Приятная сложность задачи, заставляющая колдовать не “на отвали”.

Печать нежно засияла и раскрылась, как цветок. Дверь с

легким скрипом отворилась, приглашая нас войти.

Я обернулся. Девчонка стояла вытаращив глаза и даже слегка приоткрыв рот, но поймав мой взгляд, спохватилась и тут же поджала губы.

Черт побери, приятно!

Никто никогда не смотрел с восхищением на то, как я колдую. Мама магией не интересовалась – несмотря на феноменальный дар, она предпочла его не развивать. Отец, преподаватели – это скепсис, замечания, периодическое одобрение с горькой ложкой “но еще есть к чему стремиться”. Однокурсники смотрели оценивающе, иногда завистливо, иногда с превосходством – отбор на факультете был суров, Королевская Академия выпускала только лучших из лучших...

– Прошу, – я распахнул дверь и сделал приглашающий жест рукой.

Элалия колебалась, но недолго, бросив вороватый взгляд по сторонам, она шмыгнула мимо меня в библиотеку и только там все же не утерпела:

– Как ты это сделал?! Ты же ее не сломал! А... а...

– Открыл.

– Это невозможно!

– Без знаний и практики – да. Научить?

На мгновение ее взгляд вспыхнул, но она тут же опустила ресницы и мотнула головой.

– Не надо. И никого тут не учи, бога ради, а то от Горок только горка руин и останется.

– Разве это плохой сценарий? – хмыкнул я.

Лали посмотрела на меня с сомнением, а потом неопределенно качнула головой и отвернулась, окидывая взглядом полки с книгами.

– Зачем ты меня сюда привел?

Затем, что я знал, что во второй половине дня по понедельникам библиотека закрыта.

А значит тут – нас точно никто не побеспокоит!

Был уже вечер, свет в запертой библиотеке зажигать было бы рискованно, но высокие окна пока что прекрасно ловили розовые закатные лучи, подкрашивая ими все вокруг – стеллажи, столы, светлую кожу...

Серебристые волосы, едва перехваченные лентой и уже успевшие растрепаться.

Контур груди. Трикотаж был очень плотным, но все равно было очевидно, что лифчика под черной майкой не было...

– Идем, – я отвел взгляд и зашагал в угол с нужной литературой.

Местному книгохранилищу было далеко даже до личной библиотеки моего отца, не говоря уже о библиотеке Королевской академии, но общераспространенная магическая литература была в наличии, я с утра проверил.

Уверенно вытянув нужный том из раздела “некромантия”, я шлепнул его на стол.

– Вот смотри, – я сел и скользнул пальцем по оглавлению. Лали тоже опустилась на соседний стул. Кажется, убе-

дившись, что в библиотеку мы пришли все же за книгой, она расслабилась. – Привидения. Причины возникновения, основные признаки...

Я открыл учебник на нужной странице и развернул к ней.

– Ты и в некромантии разбираешься? – уточнила седая девочка со скепсисом.

– В некромантии я как раз не разбираюсь, так что читай, можно вслух.

Лали пододвинула книгу ближе, пробежалась глазами по строчкам.

– “В целом, появление привидения сопровождается следующими основными признаками. Первое. Серьезные и очень специфические колебания магического фона. С момента открытия этих колебаний профессором Зауманом в ... году, в большинстве случаев появление призраков удастся пресечь...”

Элалия опустила книгу и подняла на меня глаза.

– Вот именно, Лагранж. Всех старых призраков давно уничтожили или заперли, всех новых вычисляют практически в момент появления. Привидения уже давно из реальной угрозы превратились в страшилки для малышей. Ты всерьез считаешь, что в заведении, напичканном магическими специалистами по самое не могу, ты один такой умный смог заметить призрака?

– Я не сказал, что это призрак.

– Но...

– Я сказал, что это похоже, – я выделил голосом это слово, – на призрака. Читай дальше.

Девчонка тряхнула головой и снова опустила глаза в текст.

– “Второе. Если по каким-то причинам зарождения привидения оказалось незамеченным, то через некоторое время начинают проявляться пространственно-предметные аномалии, к которым относится исчезновение или перемещение предметов, искажения пространства, необъяснимые перемещения из одного места в другое...”

Она снова вскинула голову..

– Ничего не напоминает? – поинтересовался я. – Но ты читай, читай...

– “Эти аномалии привязаны к конкретному месту, с четко очерченным радиусом – месту гибели или захоронения. Радиус зависит от силы призрака и может расти со временем, но не безгранично. Новорожденный призрак слаб, поэтому поначалу аномалии редки и относительно безобидны”.

Лали отбросила за спину мешающий растрепанный хвост и пробормотала:

– Вас бы запереть на несколько часов и на крышу забросить. “Относительно безобидны”! – потом она сама себя одернула и бросила уже мне: – Это ничего не доказывает!

– Конечно, не доказывает, – согласился я, а потом решил, что зачитывать учебник с комментариями это долго, пусть она этим сама на досуге займется, если хочет проверить мои слова. И перешел к пересказу: – Потому что во-первых, ча-

стога происшествий не совпадает со статистической – это раз. Два, если считаешь дальше, узнаешь, что призраки бывают двух видов: доброжелательные и озлобленные. Доброжелательные пытаются привлечь к себе внимание или совершенно безвредными, или даже полезными действиями. Озлобленные – соответственно, наоборот всячески норовят запугать или навредить. Статистически чаще первых удерживает на земле неоконченное дело, вторых – насильственная смерть, но не всегда, от характера призрака при жизни тоже многое зависит. Странность видишь?

Элалия пожевала губу.

– Когда я тащила тебя в свою комнату, он мне помог.

– Да, а когда я без сил сползал в коридоре, меня перекинуло в мою комнату. На что это больше похоже?

– Но потом меня заперло в башне...

– И нас обоих выкинуло на крышу. Уже не очень доброжелательно, да? Дальше. Слухов о странностях по Горкам не гуляет, а преподаватели диагностировали у тебя галлюцинации. При всем моем неуважении к ним, будь схожие жалобы от других учеников, они бы не отмахнулись. Получается, досталось только нам с тобой. Почему?

– Надо было оставить тебя подышать в коридоре! – в сердцах бросила девчонка, откидываясь на спинку стула.

Я криво ухмыльнулся.

– Не уверен, что тебе бы это помогло. Вы похожи.

– Кто?

– Ты и та девушка из видения, которое показал нам наш не-призрак.

– Похожи? – удивилась Лали. – Да в каком месте?!

– Ладно, ты красивее, – покладисто согласился я с предсказуемым женским возмущением. – Но все равно похожи.

Неблагодарная девица сделала такое лицо, будто боролась с желанием кинуть в меня этим самым некромантским учебником. Но с этим низменным порывом она совладала и спросила холодно и ровно:

– Даже если так, при чем тут это?

Я пожал плечами:

– Просто наблюдение. Я не разбираюсь в некромантии, помнишь? Факт только в том, что новорожденные призраки не особенно сильны. Возможно, сходство помогает ей за тебя зацепиться, а я попал под раздачу, потому что был рядом.

– Бедненький, – голос седой девочки сочился ядом.

– Конечно, – кивнул я. – Если призрак меня прикончит, то получится, что ты просто продлила мою агонию, жестокая девочка.

Лали дернула плечом и поморщилась.

– Я не понимаю. Значит, все-таки призрак? Новорожденный? Появление которого каким-то мистическим образом не заметили преподаватели и который страдает перепадами настроения?

Звучит довольно по-дурацки, седая девочка, совершенно согласен!

– Ага. Но я тебе сейчас еще добавлю. Чего еще не хватает во всей этой схеме?

Она задумчиво нахмурилась.

– Чего?

– Трупа.

– Трупа?..

– На то, чтобы зародиться, сформироваться и начать использовать свои силы, призраку требуется от полугода до полугода лет. Насколько мне известно, то есть – насколько известно Мирей – за этот срок в замке не было ни одной смерти. Или у тебя имеется другая информация?

Лали покачала головой.

– Нет. Никто не умирал.

– Внезапный отъезд воспитанника, с которым никто не успел попрощаться?

– Не было ничего такого! – возмутилась она. – Никто не стал бы скрывать гибель воспитанника.

– Как никто не стал бы держать здесь тех, у кого нет проблем с магией? – равнодушно уточнил я.

– Это другое!

– Почему?

Элалия

Почему?!

Потому что ты, Даниэль Лагранж, не имеешь права нас

тут судить с высоты своего происхождения и Королевских Академий!

Во мне кипела иррациональная злость.

Когда я только приехала сюда, я видела все, как сейчас Даниэль, в черно-белых цветах, вернее, в исключительно черных. Я ненавидела отчима, ненавидела мать, ненавидела “Зеленые горы” и всех их наставников вместе взятых за то, что они не отказали им. Тогда от меня была далека мысль, что если не это место, так другое – закрытая школа-пансионат при монастыре, а то и псих-лечебница, мало ли на свете заведений, куда можно сдать неугодного ребенка? Тогда “Зеленые горы” были для меня худшим из зол, воплощением вселенской несправедливости.

Теперь, спустя три года...

Это был мой дом. Так себе, конечно, Горки подходили под это определение, но другого у меня сейчас не было. Это было место, которое я могла называть домом. Здесь были люди, которых я могла называть друзьями. Здесь были взрослые, которым не наплевать на то, что со мной будет.

И...

И он просто не имеет права! И все!

Я захлопнула книгу и поднялась.

– Твои полчаса вышли. Как я и сказала – мне это неинтересно. Если снова случится что-то подобное, я пойду к ректору.

– Стой, – Лагранж вскинул руку и поймал меня за ладонь

и сжал ее, не сильно, но горячо. – Я не хотел тебя обидеть.

Злость, которой я не дала толкового выхода, до поры до времени снова свернулась клубком где-то в глубине души, а вместо нее привычно пришла усталость и апатия.

– Ты не обидел, – спокойной произнесла я. – Просто не надо думать, что ты знаешь все об этом месте и о нас.

– Я так не...

– Ты спрашивал, когда у меня начались срывы, – перебила я его. – Они начались три года назад. А три с половиной года назад моя мать вышла замуж во второй раз, и с отчимом у нас... не сложились отношения. Так что да, мои срывы начались уже здесь, и, несмотря на то, что они настоящие, когда меня сюда привезли, магически я была совершенно здорова. Что все равно не означает, что наставники Горок стали бы скрывать смерть воспитанника. Никто не уезжал, не попросившись, Лагранж. Не было никаких таинственных смертей. Срывы, драки и дурацкие шутки – вот и все наши происшествия. Так что если снова случится что-то странное, призрак то или нет, я пойду к наставникам.

– Они тебе уже один раз поверили... – пробормотал Даниэль.

– Вот если не поверят, тогда и поговорим, – я попыталась высвободить руку, но парень сжал ладонь чуть сильнее, удерживая.

– А твой отец?

– А твой? – огрызнулась я. – Почему он отправил тебя

сюда?

Что, Лагранж, нравится, когда тебе задают личные вопросы и ковыряются в ТВОИХ семейных проблемах? Приятно?

– Потому что я пытался сбежать из дома, – неожиданно спокойно произнес Даниэль. – После самоубийства моей матери.

И апатия, и усталость, и раздражение, и злость разом испарились из головы. В ней вообще стало пусто-пусто. А еще немного стыдно.

– Мне очень жаль... – тихо произнесла я.

Возможно, нужно было еще что-то сказать, я, правда, хоть убей не могла сообразить что, но от необходимости это делать меня избавил гулко разнесшийся по библиотеке щелчок двери.

– Кто здесь? Профессор Лунгрэн, это вы?..

Какого беса библиотекаря принесло в библиотеку в его законный выходной?

Сердце ухнуло в пятки. Ну все, теперь безупречной ведомости точно конец...

Лагранж бесшумно подскочил, не выпуская моей руки, и куда-то потащил.

“Учебник!” – вспышкой мелькнуло в голове, и я едва успела прихватить со стола выдающую нас книжку.

– Э-эй! Здесь кто-нибудь есть?

В голосе мистера Кливерса теперь звучала грозовая строгость. А Лагранж тащил меня прямо ему навстречу!

– Так, шутники, я вас слышу! Не знаю, как вы это сделали, но предупреждаю, если не выйдете по хорошему и не со-знаетесь...

Даниэль замер так резко, что я в него влетела, с трудом задавив писк, а парень шагнул в тупик между стеллажами, сгреб меня в охапку, прижимая к себе так, что кости затрещали, и что-то прошептал.

На мгновение мне заложило уши. Даниэль обхватил мои плечи одной рукой, другой зарылся в волосы, прижимая к себе мою голову, обволакивая собой и заклинанием.

– Молчи и не вырывайся, – едва слышно прошептело над ухом.

Я застыла изваянием, несмотря на то, что стоять уткнувшись лбом в лагранжевское плечо, было ужасно неудобно. Зажатый между нами учебник больно впился углом в живот, но я боялась пошевелиться даже ради того, чтобы его поправить. Краем глаза мне было видно, что нас облепила прозрачная радужная пленка, похожая на мыльный пузырь, но больше ничего разглядеть не удавалось.

Оставалось только дышать. Вдох, выдох...

Приятный запах. Травянистый такой. Я дернула носом, пытаюсь различить отдельные ноты аромата и отвлечься от происходящего.

Бесполезно. Шаги библиотекаря раздавались все ближе, а угрозы становились все страшнее.

Я зажмурилась, окончательно пряча лицо на чужой груди,

будто это могло каким-то образом меня спасти.

Шаги совсем рядом. И мы в тупике. Если он нас увидит, то даже бежать, надеясь на то, что не успеет опознать – некуда.

Проклятый Лагранж!

Стук ботинок по полу прямо за моей спиной. Сердце ухнуло в пятки. Я, кажется, даже перестала дышать совсем.

На несколько мгновений в библиотеке воцарилась мертвая тишина, в которой звучал только барабанный бой сердец – мое, бешеное, и Лагранжа, медленное и ровное...

...а затем шаги двинулись дальше, удаляясь в глубь зала, откуда мы пришли.

От схлынувшего заклинания меня пробрал озноб, но толком клацнуть зубами я не успела. Прошептав мне на ухо: “А теперь – бежим!” – Лагранж схватил меня за руку и рванул с места в карьер.

– А ну стоять, ироды! – прогремел позади грозный вопль.

Парализующее заклинание пронеслось мимо, обдав кожу – холодом, а ауру – жаром.

Быстрее!

Поворот. Библиотечная дверь. Коридор. И дальше, дальше, дальше...

Мы остановились, только выбежав в сад. Вернее, остановился Лагранж, а меня инерцией пронесло еще немного, и только сделав пару шагов по хрустящему гравию дорожки, я замерла, прижав ладонь к ребрам, и запрокинула голову, жадно хватая ртом вечерний горный воздух. В боку колело,

сердце колотилось с сумасшедшей скоростью.

Я обернулась.

Даниэль даже толком не запыхался, ну так, может чуть чаще вздымалась грудь, да волосы растрепались. Волосы... я ощупала голову и убедилась, что лента пала в неравном бою с ветром. Щеки горели, горло тоже. Лагранж, поймав мой взгляд, ухмыльнулся:

– Да, Невидимка, физическую подготовку тебе не мешало бы подтянуть... хорошо хоть ты заранее спортивной формой озаботилась!

В голове мелькнула мысль “Убивать!”, и рука как-то сама собой приняла ее за приказ. Учебник по некромантии взмыл в воздух и влетел прямо в лоб Лагранжу, явно не ожидавшему от меня такой подлости. Парень отшатнулся.

– Ай! Ты чего знаниями расшвыриваешься, ненормальная?

– Я ненормальная?!

Руки сжались в кулаки, руны на ладони под кожей жгли огнем.

Лагранж поднял брови, делая абсолютно невинную и даже какую-то беззащитную рожу.

– Да ладно тебе, Лали. Отлично повеселились, надо будет повторить. Хотя все равно спорт тебе не повредит, как насчет совместной утренней пробежки?..

Очевидно, я скорчила какую-то особенно зверскую физиономию, потому что парень вскинул руки в примиритель-

ном жесте:

– Ладно-ладно, потом это обсудим, прямо сейчас, и правда, лучше будет, если нас не увидят вместе, мало ли, – он повернулся ко мне спиной и нырнул внутрь замка, и уже откуда-то из его глубин до меня донеслось удаляющееся:

– Старайся дышать ровнее, не пались! Увидимся... Невидимка.

Сволочь!

Я зло пнула гравий, шумно выдохнула. Гад! Как же бесит! И каким образом он умудряется сделать так, что при новой встрече уже через несколько минут я об этом забываю?! Может их там, в Королевской Академии отдельным курсом мозги учат пудрить?

Наклонившись, я подобрала с земли учебник – мятый, грязный и с надорванной обложкой. Надо починить, прежде, чем возвращать, подумала я и поспешила в свою комнату.

– Невидимка!

У самого входа в женское крыло на окне расположились Мирей и Алисон. Приблизилась к ним я с неохотой.

– Ты откуда такая? – Мирей дернула меня за руку и усадила на подоконник между ними.

– Какая? – удивилась я.

– Щеки красные, глаза горят, волосы растрепаны, – перечислила первая красавица. – У кого-то, кажется, был бурный с...

– Спорт, – опередила я.

Мирей надломила бровь.

– Бегала, – невозмутимо пояснила я.

– С книжкой? – хмыкнула Алисон.

– Совмещаю полезное с полезным.

– Бегать с книжкой неудобно! – авторитетно фыркнула

Мирей.

– Сексом заниматься, я полагаю, тоже, – пробормотала я, вспомнив как больно и неудобно учебник упирался в ребра.

Девицы прыснули смехом, а Алисон вдруг выхватила у меня учебник.

– Некромантия? Ты чего, Невидимка?

– Расширяю кругозор.

– Нет предела совершенству, да? – Мирей, кажется, убедилась, что подозрения не подтвердились и никакого материала для сплетни она в моем лице не найдет, а потому загрустила.

А меня вдруг посетила одна мысль.

– Алисон, а... тебя же учат, правильно?

– Ну, – кивнула некромантка и потрясла браслетами. –

Теоретически.

– Скажи, а про привидений ты знаешь?

– Привидений? – переспросила Алисон. – С чего вдруг ты заинтересовалась привидениями?

– В замке привидение? – снова оживилась Мирей. – О, подробности!

– Да нет никаких привидений в замке, – одернула подругу

некромантка. – Последнее было шестьдесят лет назад. И с тех пор тут после каждой смерти все мониторят и проверяют – она скривилась и очень похоже передразнила миссис Керлиони: – “у нас же тут дети!”.

– А если бы, допустим, было... есть какой-то способ точно определить? Какой-нибудь такой... – я вспомнила колдовство Даниэля на крыше и его сомнения после, – стопроцентный.

– Есть, – кивнула Алисон. – Ритуал. Стопроцентная гарантия плюс даже процентная возможность уничтожить призрака на месте, если он молодой и слабенький. Но его только некромант может провести.

– А ты не могла бы?.. – я покосилась на браслеты.

– Да чего ты прицепилась к ней с этими привидениями? – не утерпела Мирей. – Выкладывай.

– Да ерунда, – я попыталась сделать безразличное лицо и пожалала плечами. – Может просто чей-то розыгрыш.

– У-у-у, если это опять Доннован, я скажу Крису и он его!.. Хм... а что если Лагранжу сказать? Интересно, что бы он сделал?

– Послал бы тебя далеко и надолго! – хмыкнула Алисон и протянула мне обратно книгу. – Когда будет период затишья – проведем. Мне все равно максимальная практика показана.

Я благодарно кивнула и соскочила с подоконника.

Идя по коридору женского крыла я все еще слышала, как

девицы ожесточенно выясняют, пошел бы Лагранж мстить ради прекрасных глаз Мирей или нет.

Глава 5

Я сидела, обложившись принесенными Лагранжем книгами, и нервно грызла карандаш. Плотный исписанный блокнот на коленях пестрел заметками, знаками вопроса, стрелочками с пояснениями и ответами. Паутина юридических хитросплетений...

Чтобы выстроить ее понадобилось время, но мне кажется, у меня получилось. Правда ожидаемой радости это не принесло. По всему выходило, что доказать, что отчим меня обокрал, я не смогу.

Единственный выход – это если мать даст показания, что она подписывала бумаги под давлением, шантажом или каким-то другим влиянием, а не добровольно. Но надежду на то, что она однажды очнется и встанет на мою сторону, я отринула уже давно.

...Она вышла замуж спустя полгода после смерти отца. Тихая скромная церемония без громкого праздника, не очень соответствующая характеру матушки, но отдающая дань ее еще свежему вдовству. Все знакомые отнеслись с пониманием – Эления Хэмптон была хрупким и нежным цветком – цветущим и благоухающим на радость всем окружающим – и без должного ухода существовать она не может. А Людвиг Стивенс к тому же давний друг семьи и, несомненно, достойный мужчина, который сможет позаботиться о двух

беззащитных женщинах.

Иногда мне думалось, что было бы проще, если бы Стивенс был жадным до отцовского наследства дельцом, а мать изменницей и предательницей. Тогда они были бы негодяями по умолчанию, а моя правота – несомненна. Но нет, отчим не особенно нуждался в наших деньгах, и все вокруг знали, что он влюблен в Элению чуть ли не с юности. А для матери он не существовал практически, пока рядом был отец. Она действительно любила своего мужа. И действительно могла зачахнуть после его смерти, если бы не Стивенс.

Но от всего этого было только больше – почему я не вписываюсь в эту счастливую картину?

Людвиг Стивенс не то, чтобы ненавидел моего отца. Он просто ему завидовал, наверное. И не хотел держать рядом ни одного напоминания о том, кто украл у него столько лет рядом с любимой женщиной.

А потому он методично, вещь за вещь избавлялся от того, что ему принадлежало. Вернее, теперь принадлежало мне.

Сначала он продал наш дом в городе – ну зачем нам два дома в самом деле? Это глупо.

Потом загородный дом – мы все равно там не бываем, вы сами сказали, что для вас это больно, слишком много воспоминаний. А если захочется на природу, неужели я не найду куда вас вывести?

Потом отцовскую яхту – на ней никто не ходит, Эленя не жалует море, а Элалия слишком мала. Содержать яхту в ожидании ее полного совершеннолетия – это выбрасывать деньги на ветер. Захочет, вырастет – купит себе новую. Я именно об этом и забочусь! Чтобы она могла позволить себе все, что пожелает!

Следом автомобиль – ну тут вообще обсуждать нечего, я вообще был удивлен, что эта рухлядь до сих пор стоит в нашем гараже!

Но и этого ему было мало. Мелочи, памятные вещи... зачем тебе травить этим душу, моя дорогая? Я же знаю, как ты его любила, такое горе...

И в итоге осталась только я.

И, если смотреть правде в глаза, инструмент избавления от последнего раздражающего фактора, я сама вручила ему в руки.

Если бы я задавила в себе горе, обиду и жгучую несправедливость, вполне возможно, со временем мы бы и ужились. Вернее, отчим потерпел бы меня до полного совершеннолетия, а потом мы бы разъехались к взаимному удовольствию и пересекались бы только на обязательных семейных торжествах.

Но я не задавила. Более того, идея устроить псевдосрывы казалась мне тогда воистину гениальной. Они поймут! Они увидят, что мне плохо! Они увидят, услышат меня!..

“Это невозможно! Невозможно! Я изо всех сил забочусь

о ней, а что получаю в ответ? Черную неблагодарность!”

И это даже не было абсолютной ложью. Он заботился. Он не обокрал меня в прямом смысле этого слова. Все деньги моего отца, которыми до моего совершеннолетия распорядилась мать, все деньги, полученные от продажи того, что ему принадлежало, Стивенс инвестировал. И, насколько мне известно, более чем выгодно. Он не только сохранил, он приумножил мое и без того не самое скромное наследство.

Но...

Мне не это было нужно. Мне нужны были те самые глупые, бесполезные, убыточные вещи...

Это мать предпочитала избавляться от горя методом “с глаз долой из сердца вон”. Метод ничем не хуже прочих, но он не для меня. Мне нужен был мой отец, но раз это невозможно – мне нужна была память о нем.

Я запрокинула голову назад, смаргивая слезы. Потом зло захлопнула все книги, запихнула их под кровать. Прошлась по комнате. За окном едва светало, подъем только через час. Я часто просыпалась раньше по утрам.

Крохотная комната вдруг вызвала приступ удушья. Накинув кофту на пижаму и подхватив многострадальный блокнот, я вышла и побрела куда глаза глядят. У меня оставалось еще одно невыполненное домашнее задание, но с какой стороны к нему подступиться, я не знала.

Бестолковая. Опасная. Неуловимая. Красивая...

Животное. Живое существо.

Задали вы, мистер Кроуч, задачку! И каким вообще образом мне это поможет?

Усевшись на лавку на деревянных трибунах и поплотнее закуклившись в кокон из кофты, я пристроила блокнот на коленях и принялась бездумно вырисовывать линии-силуэты. Пантера – не то, какая к чертям пантера? Воробей? Ну да, очень опасно. Еж? Мило, но не красиво...

Я вздрогнула, когда внизу, во внутреннем дворе хлопнула дверь, и, вытянув шею, увидела, как на площадку вышел Лагранж...

Да что ж такое!

Парень потянулся, размялся и принялся нарезать круги по двору.

Кажется, насчет утренней пробежки он не шутил. А тебе чего не спится, золотой мальчик?

Хмыкнув сама про себя достойному ответу на “седая девочка”, я снова уткнулась в блокнот. Работы теперь правда никакой не выходило. Под ровный шорох кед по присыпанной песком площадке, не получалось сосредоточиться, а карандаш вместо фигурок животных норовил вывести бегущего человечка. Когда я поймала себя на том, что нарисовала очень узнаваемый прищур глаз, то в очередной раз закрыла блокнот.

Утро только началось, а уже не задалось!

И оставшееся до подъема время, я сидела и просто бездумно пялилась на нежно-розовое небо.

До моей свободы оставалось четыреста восемьдесят девять дней.

Маска на глазах, клеммы на висках, щиколотках и запястьях. Металлический, кисловатый привкус во рту, мерный механический пульс, ощущаемый по всему телу – меня лечат электрическим током. Уже три сеанса.

Эффекта пока что нет, но зато здесь от меня требуется только расслабиться и полежать спокойно. Это не больно, как прежняя схема с силовым массажем, и уж точно это лучше ледяных ванн.

Да что угодно лучше ледяных ванн!

Размеренный писк приборов успокаивает.

Этот сеанс мне назначили на позднее время, даже после ужина, объяснив это тем, что после надо будет обязательно тут же отправиться спать. Спать мне хотелось уже сейчас, и пытаясь не провалиться в этот сон я прислушивалась к тому, как лаборантки, приглушив голоса, чтобы не беспокоить пациентку, делятся новостями:

– Тестовый стенд полетел, так что всех, кто на замеры, отменяй.

– Угу, – шуршит грифелем по бумаге вторая лаборантка. – А что такое?

– Профессор вчера новенького на стенд загнал. Который красавчик.

В голосе первой – легкое поддразнивание, и вторая по-

слушно тянет разочарованное "Оооо!", а потом обе хихикают, как будто они не взрослые женщины старше двадцати пяти, а мои дурочки-соседки.

И я прямо чувствую, что дело запахло Лагранжем, и против воли вся обращаюсь в слух.

– В общем, стоит он, весь такой красивый, в одеянии из трусов и датчиков, а профессор сидит, на показания приборов смотрит. Минуту, пять, десять... А потом возмущается: "Молодой человек, мы так не договаривались! Дайте силе течь свободно". А новенький ему: "Да если я в полную силу импульс дам, у вас тут все полетит в чертям".

– Так и сказал?! Прямо профессору?!

– Не так. Он профессору грубее сказал! А профессор ему: "Молодой человек, у нас тут и не такие таланты в состоянии спонтанных всплесков бывали, и ничего, стоим! У нас здесь защита и система предохранителей! А новенький – да все эти ваши предохранители на малолетних истеричек рассчитаны, а я взрослый, сложившийся... истерик. А профессор ему: "Молодой человек!" А тот ему – спорим? Ну, и профессор тоже: "Спорим!" ...

– Да ты что! И что, дальше-то что?!

– Дальше – я ж сказала: всех кто на замеры на следующую неделю переписывай, что непонятно? Профессор и ректор сейчас экстренно на новый тестовый стенд средства изыскивают...

Я поймала себя на том, что хихикаю как дурочка ничуть

не хуже (или – не лучше?) лаборанток. И, не дав девушкам углубиться в обсуждение графиков, не утерпела:

– А на что спорили-то?

Лаборантки поцокали языками – подслушивать нехорошо! Но ответили:

– Профессор требовал две недели добровольного содействия в исследованиях, без выкрутасов. А новенький – свободы от этих самых исследований. Хотя он сначала требовал разрешение на свободный проход в комнаты женского крыла, но тут наш профессор кремень, уперся намертво! Науку не пожалел, зато честь юных дев отстоял!

Лучше б профессор честь юных дев сдал, ей богу! Это и так дело пропащее, а для науки от этого белобрысого хоть какая-то польза, может, была бы...

После процедуры и правда ужасно хотелось спать, с трудом переставляя ноги, я доползла до комнаты, но едва плюнулась на кровать, как в дверь постучали.

Потом поскреблись, потом опять постучали, а потом глухо донесся жаркий спор.

– Да спит она!

– Да не спит, у нее сегодня ток! Я у миссис Керлиони подглядела!

– Тем более спит, я тебе, как человек прочувствовавший это на себе заявляю!

– Невидимка-а-а-а-а-а!

– Не ори, дура!

– Сама дура, и я не ору! Я пишу громким шепотом!

– Звучит так, будто банши придушили. Давай завтра?

– Если мы столько будем пить каждый день, то мы спалимся!

– И сопьемся...

– И передумаем. А будет ведь обидно, если передумаем!
Лалиииииииииии...

Что ж Алисон была права, на банши – очень похоже. И придушить ее лично я бы не отказалась!

Интуиция Невидимки подсказывала, что именно сегодня лучше открыть, чем притворяться спящей, потому что Мирей все равно не поверит, что они до меня не достучались, а демонстративное игнорирование может и не простить легко.

Отчаянно зевая, я прошаркала к двери и распахнула ее. Четыре девицы, хихикая на все голоса, ввалились в комнату. Кэри и Лотти, молчавшие во время диалога, едва сдерживали хохот. И – тащили ведро, которое было торжественно и демонстративно грохнуто об пол. Хихиканье сменилось отчаянным зашикиванием друг друга.

Алкоголь в Горках, само собой, был запрещен. Как и многое другое. Но когда запреты останавливали предприимчивых и местами даже талантливых магов? Ей богу, если бы Мирей интересовало хоть что-то кроме парней, сплетен и развлечений, из нее вышел бы превосходный алхимик...

Подобные вечеринки она устраивала уже не раз, но впервые ей вдруг потребовалось мое участие.

Ведро, накрытое деревянной крышкой, интриговало...

– Невидимка, ты нам нужна! – объявила королева красоты с трагическим надрывом.

– Это я поняла...

– Очень!

– Сильно!

– Без тебя ничего не выйдет!

Четыре пары глаз уставились на меня выжидающе, явно требуя немедленного ответа, а то и решения проблемы. Еще бы кто-нибудь потрудились сообщить – какой.

– Чего не выйдет? – осторожно уточнила я.

– Ну как же? – Мирей всплеснула руками. – Вот!

Она изящным жестом фокусника сорвала с ведра крышку. И моему опасливому взгляду предстала густая черная жижа. Принюхавшись, я различила что-то похожее на сосновый запах – деготь что ли?..

– И что с этим нужно сделать?

– Намазать!

– Кого?

– Парней, кого еще!

– А я тут причем?

– Лали, – Мирей постучала пальцем по лбу, мне а не себе, что показательно. – Как по-твоему, мы в их комнаты попадем?

– Как?.. – я осеклась и потерянно протянула: – О-о-о...

Комнаты воспитанников в Горках были зачарованы осо-

бым образом. В них свободно мог зайти только собственно владелец комнаты, дежурный преподаватель или куратор. Всем остальным в обязательном порядке требовалось, чтобы хозяин открыл дверь и впустил.

– Только не говори, что ты не можешь! Ты можешь, я знаю! – Мирей топнула ногой. – Ну Лали, ну пожа-а-а-алуйста.

Я? Могу? Взломать преподавательские чары?!

Я могу, конечно, но это же не повод так думать!

И вообще...

– Лотти сказала, ты это уже делала! Лали-и-и-и-ииии, ну Лали-и-и-и, ну проси, что хочешь.

Я посмотрела на чернявую Лотти с укором, и та потупилась и спрятала руки за спину. Вот и стоило разок пожалеть дуреху, у которой парни отобрали игрушку, которую ей родители подарили, и бросили в одну из комнат – там точно не доберется. Пусть приходит ныть под дверь. Девушка осьмнадцати лет от роду, сидела на полу и размазывала сопли и слезы из-за плюшевого медведя, как младенец.

Доставая этого медведя из заточения, я, правда, думала о совершенно другой девушке...

А кое-кто обещал молчать!

– А вы всех мазать будете?

– Нет, только хорошеньких, – хмыкнула Алисон, и все четверо отчаянно захихикали, переглядываясь, очевидно, список “хорошеньких” долго и со вкусом обсуждался.

– Мы тебе покажем, какие двери, я все выяснила, – зататорила Мирей, чуя слабинку. – Они все на одном этаже. Ты только открой, и все, можешь идти! И мы тебя не видели и не слышали! Хотя если хочешь поучаствовать, оставайся, быстрее управимся! У нас все продумано! Кэри их усыпит покрепче, у нее хорошо получается, никто ничего не заметит!

– Вам жить надоело? – все же уточнила я, понимая, что уже практически согласилась, но не желая признавать, что причиной согласия во многом послужила прекрасная фантазия – перемазанная дегтем самодовольная физиономия Даниэля Лагранжа.

– Не надоело, – Мирей помотала головой. – Просто скучно! Скучно жить, Невидимка! Все, девочки, на дело! Раз-два взяли!..

Лазейку в преподавательских чарах я обнаружила случайно – царапала на косяке руны и вдруг заметила, как мигает защитное заклинание (обычно ни на что не реагирующее, собственно поэтому для тренировки и был выбран косяк). Оказалось, что если подцепить его по краю “шипом”, а потом сверху припечатать “зубром”, продлить “путем” и завершить “человеком”, то заклинание расходилось клином, позволяя войти в комнату кому угодно. Возможно, это был своего рода запасной ключ, мало ли, какие случаются неприятности. А возможно – плохая защита от рунического воздействия, потому что от рунического воздействия вообще сложно сделать

хорошую защиту – это раз, а два – все равно воспитанники Горок руны обычно воспринимают плохо, слишком нудно.

Так что прихватив с собой карандаш, я пошлепала следом за разбойницами. Страшно почему-то не было совершенно. Даже наоборот внутри булькало что-то отчаянное и злорадное. Все равно никто не сможет меня с этим связать. Даже если найдут руны, которые Мирей клятвенно обещает стереть. Потому что доказать, что их рисовала я, никто не сможет, по руне руку ее рисовавшую определить невозможно, а репутация у меня безупречна. Элалия Хэмптон никогда бы не приняла участие в такой забаве.

Никогда!

Замок спал. Слегка искрящиеся знаки ловко испарывали защитное заклинание, а в тонкую щель под дверь тут же впитывался розоватый сонный дымок. Мирей просовывала нос в комнату и вздергивала палец вверх – спит!

Следующая дверь.

Лагранж оказался за предпоследней, через две двери от комнаты Криса.

А когда последняя руна украсила косяк, я еще раз наказала Мирей все стереть перед уходом и с чистой душой отправилась спать. За моей спиной девицы громким шепотом выясняли с кого начинать, а кого оставить на десерт.

Ночной замок был тих. У нас вообще редко что-то случилось ночами, несмотря на то, что дежурные преподаватели не нашагивали километры по коридорам, а сидели у себя в учи-

тельской и попивали чаек. Раскинутая ночью сеть вылавли- вала любые серьезные магические всплески и указывала, где именно они случились. А несерьезные... я не была уверена, откуда взялась эта традиция, но у меня было ощущение, что это что-то сродни пакту о ненападении – вы не устраиваете ночами крупных беспорядков, а мы в случае чего закрыва- ем глаза на мелкие. Интересно, не будет ли демарш Мирей расценен, как грубое нарушение договора, или перемазан- ные дегтем (“он, между прочим, полезен для кожи!” – уве- ряла меня Алисон) школьные красавчики все же отойдут в разряд “чем бы дети не тешились...”.

Я не шла, почти плыла в состоянии приятной, сонной усталости, но застыла как вкопанная и растеряла весь сон, едва войдя в женское крыло.

Посреди коридора стояла девушка.

Ночная рубашка, длинные светлые волосы – ослепитель- ные в лунном свете, падающем из окна. Тонкие черты лица.

Она была, пожалуй, красивой.

А еще – прозрачной и слегка светящейся.

Передо мной стоял призрак.

Вскрик застыл в пересохшем горле, любые имеющиеся в голове знания оттуда благополучно улетучились, ноги оне- мели, а живот скрутило липким ужасом.

Девушка улыбнулась. Она медленно подняла руки и сло- жила их лодочкой возле лица. На мгновение опустила рес- ницы, а затем раскрыла ладони.

Сорвавшаяся с них крупная бабочка была такой же голубоватой и прозрачной. Она взмыла вверх и бестолково заметалась под потолком, оставляя после себя искрящийся свет, опадающий на пол тающими огненными язычками.

На несколько секунд я замерла, как прикованная, наблюдая за этим полетом, а когда опустила голову, девушки не было. Когда я тут же вскинула глаза обратно – бабочки под потолком тоже не оказалось.

Коридор был пуст.

Я осторожно ковырнула носком туфли плиту перед собой. Та была уважающей себя плитой и пока что проваливаться не планировала. Протянула руку – воздух тоже вел себя прилично и густеть не собирался.

Да что, в конце концов, творится в этом заведении?!

подавив желание громко и оскорбленно (надоели уже эти потусторонние выкрутасы!) хлопнуть дверью, я повалилась на кровать лицом вниз, не раздеваясь.

Призраки, бабочки...

К бесу все! Спать!

Глава 6

Подъем я ожидаемо проспала. Тело подкинуло над кроватью исключительно выработанными за годы рефлексам, я едва успела переодеться и сполоснуть лицо, когда часы пробили половину восьмого – время завтрака. Выйдя из комнаты, я нырнула в девичий поток, направляющийся в столовую, и, кажется, еще немного досыпала на ходу, потому что не заметила, в какой момент уже сидела за столом, а Кэри, подсев к Мирей, давясь смехом рассказывала, что ей удалось уже узнать.

Утро в мужском крыле началось с густой, устойчивой, нецензурной брани. Наставник, заглянувший сделать замечание, от неожиданности охнул и присоединился. Перемазанные дегтем парни не только выглядели краше чертей из Преисподней, но и определенно были злее. А эта дрянь еще и отвратительно поддавалась очищающим чарам...

Так что столы за завтраком зияли проплешинами на отдельных местах.

Преподаватели пытались вычислить виновных по довольным ромам. Фиаско, слух уже прогремел, так что довольные рожи были у всех. Одни радовались чужой злой шутке, другие – тому, что не попали в таинственный список избранных.

Хотя, зная критерий списка, могли бы сильно и не радоваться!

Я силилась отыскать внутри себя хотя бы зачатки угрызений совести или страха, что все обнаружится – и не могла. И когда взъерошенные, красные, оттертые до блеска парни появились на занятии, с трудом удерживалась от того, чтобы не хихикать вместе со всеми.

– Доброе утро, мальчики, – протянула Мирей, накручивая на палец локон гладких, блестящих волос.

“Мальчики” посмотрели на нее так, будто дружно и не стовариваясь в едином порыве были готовы свернуть первой красавице ее изящную длинную шею.

Я отвернулась к окну. Улыбка упорно лезла на лицо и сохранять нейтральное выражение удавалось только не глядя на этот цирк. К счастью, появление профессора Лоуренса пресекло на корню любые выяснения отношений.

Теоретические занятия по практической магии были необычайно нудны. Записывать пятью предложениями то, что на деле выполнялось одним коротким действием, было скучно и путано. И я в упор не понимала, зачем мне, человеку, которые не стремятся стать великим теоретиком, ученым или структурником, знать не только “как”, но и “почему так”.

Но Горки славились тем, что давали не только базовое, школьное, но и начальное университетское образование. Пусть не глубокое профильное, но достаточное по крайней мере для того, чтобы те, кто вышел отсюда, обуздав свой дар, могли быстрее нагнать сверстников и поступить сразу на второй, а в отдельных специальностях даже на третий курс.

А те, кто в любом случае не планировал связывать свою жизнь с магией, страдали за компанию.

К тому же профессор Лоуренс читал лекцию хоть и наизусть, но по учебнику, и по сути не было никакой нужды его конспектировать, достаточно записывать то, что он выделял фразой “важно запомнить”.

Подперев голову кулаком, я бездумно царапала в тетради ручкой под монотонную речь наставника. Почему-то перенести на бумагу образ девушки у меня не получалось, выходило все не то, хотя мне казалось, что я хорошо ее разглядела и запомнила. А вот призрачная бабочка вышла хорошо.

Мелкими штрихами доводя набросок до совершенства, я крутила в голове ночную встречу и гадала, что она может значить.

Призрачная бабочка. Язычки огня...

Рассказать Лагранжу?

Я осторожно покосилась в противоположный от меня угол. Даниэль даже не пытался делать вид, что записывает, и вместо этого развлекал себя мелким колдовством над бумажным комком. Профессор Лоуренс его с достоинством игнорировал.

А смысл ему рассказывать? Он что – гадалка, призраков расшифровывать? Да и я сама грозилась, что при очередном “призрачном” случае пойду к преподавателям.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.